

АЛЬЯНС НАУК:
ВЧЕНИЙ – ВЧЕНОМУ

Матеріали VIII Міжнародної науково-практичної конференції

28–29 березня 2013 р.

У чотирьох томах

Том 1

Теоретичні та практичні питання сьогодення

Дніпропетровськ
Видавець Біла К. О.
2013

УДК 34+35+81'373.217+93

ББК 73

А 56

АЛЬЯНС НАУК: ВЧЕНИЙ – ВЧЕНОМУ

Матеріали VIII Міжнародної науково-практичної конференції

СКЛАД ВИДАННЯ

Том 1. Теоретичні та практичні питання сьогодення

Том 3. Культурологія, педагогіка та психологія

Том 2. Наукові дослідження в галузі економіки

Том 4. Актуальні питання сучасності

ОРГАНІЗАЦІЙНИЙ КОМІТЕТ:

Голова оргкомітету:

Корецький М. Х. – д. держ. упр., професор, Заслужений діяч науки і техніки України, проректор з наукової роботи та міжнародних зв'язків Національного університету водного господарства та природокористування, м. Рівне.

Члени оргкомітету:

- Бакуменко С. Д. – д. держ. упр., професор, Заслужений діяч науки і техніки України, проректор з наукової роботи Академії муніципального управління, м. Київ;
- Дацій О. І. – д. е. н., професор, Заслужений працівник освіти України, директор Науково-навчального інституту регіонального управління та місцевого самоврядування Академії муніципального управління, м. Київ;
- Бутко М. П. – д. е. н., професор, завідувач кафедри менеджменту організацій та державного управління Чернігівського державного технологічного університету;
- Брітченко І. Г. – д. е. н., проф. директор Міжгалузевого інституту підвищення кваліфікації та перепідготовки спеціалістів, зав. кафедри економіки, бізнесу та менеджменту ВНЗ Укоопспілки «Полтавський університет економіки і торгівлі»;
- Шепель Ю. О. – д. філол. н., професор, професор кафедри перекладу та лінгвістичної підготовки іноземців Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

А 56 Альянс наук: вчений – вченому : матеріали VIII Міжнар. наук.-практ. конф., 28–29 берез. 2013 р. : у 4 т. – Дніпропетровськ : Біла К. О., 2013.

ISBN 978-617-645-118-1

Т. 1 : Теоретичні та практичні питання сьогодення. – 2013. – 82 с.

ISBN 978-617-645-119-8

У збірнику надруковано матеріали VIII Міжнародної науково-практичної конференції «Альянс наук: вчений – вченому».

Для студентів, аспірантів, викладачів ВНЗів та наукових закладів.

УДК 34+35+81'373.217+93

ББК 73

ISBN 978-617-645-118-1

ISBN 978-617-645-119-8 (Т. 1)

© Авторський колектив, 2013

Управління державою в умовах світової фінансової кризи

К. психол. н., Андрєєва І. А.

*Горлівський інститут іноземних мов Донбаського
державного педагогічного університету, Україна*

РОЛЬ СТРАТЕГІЧНОГО УПРАВЛІННЯ В СУЧАСНИХ СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНИХ УМОВАХ

Динамічні зміни сучасного суспільства охоплюють практично всі сфери життя людини. Процеси, пов'язані із світовою фінансовою кризою та загальним спадом в економіці нашої країни, негативно вплинули на ефективність роботи кожного окремого підприємства. У зв'язку з цим, сучасні тенденції кадрового менеджменту передбачають пошуки нових форм підвищення ефективності діяльності організації. Матеріально – технічне забезпечення підприємства це тільки один з чинників його успішності. Іншим чинником вважається персонал організації [5; 6]. Сучасні тенденції соціально-економічного розвитку країни вимагають від керівництва та персоналу організацій швидкого пристосування та адаптації до змінних умов. В свою чергу, це потребує виваженої кадрової політики на підприємстві з метою проектування організаційної системи, яка була б пов'язана з вирішенням основних проблем ефективного управління персоналом.

Особливо важливим стає питання організації ефективної роботи підприємства у часи реорганізацій в економіці та суспільстві. Рівень макросередовища значною мірою визначає форми та засоби існування підприємств та робітників. За даними Д. А. Аширова, О. Громової сучасні перетворення у виробничій ситуації такі, як орієнтація на споживача, глобалізація, нове покоління інформаційних технологій, боротьба за тотальну якість вимагають зацікавленості робітників у кінцевому результаті їх діяльності, формування нових моделей організаційної поведінки персоналу, які відповідають вимогам сучасності [1]. Стратегічне управління

передбачає визначення керівництвом плану майбутнього розвитку та перспектив підприємства залежно від чинників макро-, мезо- та мікрорівня.

Особливо важливим в період сучасних, численних економічних та соціальних змін є психологічна готовність керівників та працівників сучасних підприємств до частих реформ, до такого явища, як криза. Психологічна підтримка дозволяє розвивати керівникам відповідні якості, які допомогли би передбачати та прораховувати кризові періоди в роботі підприємства, підтримувати їх конкурентоздатність та відповідати сучасним світовим соціально-економічним вимогам. Саме тому ми вважаємо, що психологічний аналіз проблем, які перешкоджають ефективному стратегічному управлінню організацією, допоможе нашим підприємствам та організаціям бути конкурентоздатними.

Мета дослідження – визначити специфіку стратегічного управління організаційною поведінкою персоналу сучасних організацій.

Аналіз останніх досліджень. Значним внеском в розробку питання організаційної поведінки персоналу стали дослідження таких вчених як: І. В. Аширов, А. В. Батаршева, О. Н. Громова, К. Дзвіс, Г. Р. Латфуллина, К. Левін, А. О. Лук'янова, Ф. Лютенс, Дж. Ньюстром. Дослідженням проблеми управління організаційною поведінкою персоналу займались Г. Морозова, П. Мучинські, С. Фішер, Дж. Коул [1–5].

Виклад основного матеріалу. За даними В. Д. Дорофєєва, С. В. Смірнова, О. П. Мурашової основу існуючих теоретичних концепцій з питання організаційної поведінки персоналу, складають такі підходи [2]:

- *особистісний підхід*: центральним у кадровій політиці виступає людський ресурс;
- *ситуаційний підхід*: аналіз організаційних умов, як чинника організаційної поведінки персоналу є пріоритетним у прийнятті управлінських рішень;
- *системний підхід*: організація представляє собою єдину цілісну систему організаційного управління із врахування всіх чинників, які впливають на робітників;
- *орієнтований на результат*: мобілізація здібностей та потенційних ресурсів кожного працівника, корекція мотивації та поєднання людських ресурсів із організаційними для досягнення високих виробничих показників.

Особливо слід підкреслити, що теоретичні підходи у поясненні організаційної поведінки персоналу досить часто не сприймаються фахівцями на практиці

тому, що існує поняття так звана «організаційна мода» в кадровій політиці підприємств [6]. Тобто спостерігається тенденція до використання нових концепцій організаційної поведінки ніж вибір тих, які відповідають визначеним завданням організації. Вказані факти свідчать про наявність розділення теорії та практики. Саме стратегічне управління дозволяє передбачити і негативні і позитивні тенденції в організаційній поведінці персоналу.

Висновки. Аналіз поведінки кожного окремого співробітника в організації сприяє розумінню міжособистісних проблем в колективі, психологічних особливостей кожного співробітника і допомагає вибрати відповідні управлінські стратегії. Особливо слід підкреслити: з одного боку недостатню розробленість питання та з іншого – існування, на сьогодні, виробничої потреби в теоретичних та практичних знаннях з проблеми управління організаційною поведінкою персоналу.

Список використаних джерел:

1. Аширов Д. А. Организационное поведение: учебник / Д. А. Аширов. – М.: Велби, Проспект, 2006. – 360 с.
2. Дорофеев В. Д. Организационное поведение: учеб. пособ. / В. Д. Дорофеев, А. Н. Шмелева, Ю. Ю. Частухина. – Пенза: Изд-во ун-та, 2004. – 142 с.
3. Коул Дж. Управление персоналом в современных организациях: пер. с англ. / Дж. Коул. – М.: Вершина, 2004. – 352 с.
4. Лютенс Ф. Организационное поведение: пер. с англ. / Ф. Лютенс. – 7-е изд. – М.: ИНФРА, 1999. – XXVIII. – 692 с.
5. Мучински П. Психология, профессия, карьера / П. Мучински. – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 539 с.
6. Управление персоналом в условиях социальной рыночной экономики / под науч. ред. Р. Марра, Г. Шмидта. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 480 с.

Д. э. н. Бритченко И. Г., к. м. н. Евич Ю. Ю.

ВУЗ Укоопсоюза «Полтавский университет экономики и торговли», Украина

ЛИДЕРЫ ЗАРУБЕЖНОГО МВА НА РЫНКЕ УКРАИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Бренд МВА, без сомнения, является на современном этапе одним из наиболее известных в мировом масштабе, как в сфере образования, так и в деловых кругах. К концу двадцатого века уже более 900 высших учебных заведений, осуществляющих подготовку студентов по программе МВА, только на территории

США ежегодно выдают более 90 000 дипломов, что делает бизнес-образование вторым по популярности после обще академического [1]. При этом признание и успех, которые сопутствуют образованию формата «Master of Business Administration» обусловлены прежде всего важными, а во многом уникальными, достоинствами данного вида образования, резко выделяющими его из ряда других образовательных программ. Наиболее важными среди характеристик «классического MBA» являются:

- жёсткий отбор претендентов, с предпочтением для ярких, харизматических уже состоявшихся лидеров;

- интернациональный формат обучения: студенты и преподаватели из различных государств, образование – полный курс или хотя бы часть его в чужой стране и на международном деловом языке (почти всегда английском), обучение – на примерах деятельности предприятий, функционирующих в условиях различных культур;

- формирование и развитие устойчивых связей студентов и выпускников во всех направлениях: друг с другом, в деловых кругах, образовательной и научной среде – не только того государства, где они получают образование, но и в международных, с учебным заведением, в котором они обучались или обучаются. Для обеспечения этой задачи зарубежные бизнес-школы создают специализированные «сообщества» своих студентов и выпускников, деятельность которых руководится образовательным учреждением и координируется с применением самых современных средств коммуникаций, прежде всего специализированных сайтов;

- важным моментом является миссия бизнес-школ MBA. Для учреждений достаточно высокого уровня она звучит как «подготовка класса профессиональных международных управленцев». Из этого следует, что всё вышеперечисленное служит цели не просто дать обучающимся какие-либо знания и/или умения, но сформировать их как личности, достойные принадлежать мировому экономическому сообществу, ставящему перед собой глобальные задачи;

- наличие международной аккредитации программы: как минимум региональной, в идеале – одной из международно-признанных [3]. Разумеется, многие бизнес-школы могут осуществлять преподавание на достаточно высоком

уровне, не имея упомянутой аккредитации, однако очевидно, что если студент ставит себе целью войти в мировое экономическое сообщество по окончании учёбы, то наличие аккредитации образовательного учреждения и его программы от членов данного сообщества существенно повышает как вероятность этого события, так и гарантию соответствия образования стандартам этого сообщества.

Всё вышеперечисленное в значительной степени объясняет тот факт, что любой исследователь экономического образования, желающий составить себе объективное представление о его состоянии, не может пренебречь изучением представительств ведущих зарубежных ВУЗов, предлагающих услуги МВА – образования. Если же дополнительно вспомнить, что англосаксонская цивилизация является как разработчиком, так и наиболее деятельным реализатором данной системы обучения, и во всех мировых рейтингах её бизнес-школы лидируют с большим отрывом, то тем более становится очевидным, что изучение действий лидеров мирового МВА образования на отечественном образовательном рынке является ключевым моментом успешного его развития.

Ниже представлена таблица, позволяющая получить наиболее ясное представление о типах образовательных учреждений формата МВА на рынке Украины.

Таблица 1. Образовательные учреждения МВА в Украине

№ п/п	Вид	Принадлежность	Количество	
			Головные учреждения	Представительства
1	Представительства иностранных ВУЗов	английский (совместный с РФ)	2	9+1*
		германский	1	2
		всего	3	12
2	Подразделения отечественных ВУЗов	совместные с иностранными	3	3
		украинские	8	7+4+2*
		всего	11	16
3	Бизнес-школы	международные	4	3+2*
		украинские	7	7
		всего	11	12
Итого			25	40

*Примечание:

- 9+1 – означает что у одного из ВУЗов имеется 9 представительств;
- 7+4+2 – означает, что у одного из ВУЗов имеется 4 представительства и у одного – 2;
- 3+2 – означает, что у одной из международных БШ имеется два представительства.

Из этих данных следует, что в число рассматриваемых школ входят представительства иностранных ВУЗов, подразделения отечественных ВУЗов и различные бизнес-школы, общее число головных образовательных учреждений составляет 25, а их представительств – 40.

Как мы помним, темой данного исследования является рассмотрение иностранных ВУЗов, предлагающих услуги МВА образования на территории Украины. Их всего 3 (12%) от общего числа головных образовательных учреждений МВА, это:

1. Открытый Университет Великобритании (The Open University) – OUBS.
2. Эдинбургская бизнес-школа Великобритании (Heriot-Watt University) – Edinburgh Business School, EBS.
3. Институт международных деловых связей (IBR Institute of International Business Relations GmbH) – IBR.

Однако, невзирая на незначительное количество, они являются очень сильными участниками образовательного процесса формата «Master of Business Administration». С количественной точки зрения это проявляется в том, что всего три ВУЗа имеют в Украине 12 представительств, а это уже составляет 30% рынка. Только OUBS и только в рамках программ МВА за время своего присутствия на рынке Украины сообщает о подготовке более 3000 специалистов, то есть более 300 в год. Однако ещё более важным является качественный аспект.

1. OUBS в сфере МВА образования на данный момент занимает третье место в мире (6037 человек в год), всего он располагает 400 учебными центрами в 44 странах мира. С 1969 г. в Открытом Университете получили образование свыше 1,6 млн. человек. Выдает 20% дипломов МВА в Великобритании [2]. Миссия его обучения «формирование новой организационно-управленческой культуры ведения бизнеса через обучение на основе передовых образовательных технологий», что соответствует международному стандарту «Master of Business Administration». В числе его ключевых преимуществ, помимо крупнейшей сети представительств: британские квалификационные документы, тройная всемирно признанная аккредитация программы: АМВА, AACSB и EQUIS/EFMD (только 41 бизнес-школа во всём мире имеет такую); развитая сеть контактов

среди выпускников школы, обеспечивающая хорошие связи в мире бизнеса, более 80% студентов приходят по рекомендации друзей и знакомых. В Украине бизнес школа располагает 9 представительствами, освещают деятельность которых 4 сайта, что также является рекордным показателем, у ближайшего к ней конкурента представительств 4, а сайтов 2.

2. Edinburgh Business School, EBS – структурное подразделение Heriot-Watt University, одного из восьми старейших университетов Великобритании, занимающего первое место в Шотландии и 4-е в Великобритании, и характеризующегося наибольшим числом желающих поступить в него в сравнении со всеми ВУЗами Великобритании. Она занимает второе место в мире по количеству студентов MBA (8 349), превосходя по этому показателю Открытый Университет Великобритании [4]. Ключевые достоинства: международный диплом MBA Эдинбургской бизнес школы (без указания страны обучения и языка) образца Великобритании и США (утвержден Королевской Хартией Великобритании и признан Министерством образования США), международный клуб выпускников, общее число которых превышает 13 000, в 150 странах мира, со своим специализированным сайтом, гибкие условия обучения, особые условия для корпоративных клиентов, скидки в стоимости.

3. Институт международных деловых связей (IBR Institute of International Business Relations GmbH) – глобальная бизнес-школа [5], базирующаяся в Германии, и осуществляющая свою деятельность в различных странах, совместно с крупнейшим частным университетом Германии – Штайнбайс Университет, Берлин. В Украине с 1998 года располагает двумя представительствами [6], которые были основаны в соответствии с программой Правительства Баварии. Аккредитация – ассоциации FIBAA, германский международный диплом.

Общие выводы.

I. Оценка иностранных ОУ ВУЗов MBA.

Как видим, все эти учреждения имеют мировую известность, международную аккредитацию и мировое признание дипломов своих выпускников, сообщество которых насчитывает десятки тысяч человек, оказывающих всестороннюю поддержку друг другу и своей «Alma mater», при этом деятельность сообщества координируется через специализированные сайты.

II. Общие черты и отличия.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что сходства между этими образовательными учреждениями гораздо меньше, нежели отличий.

1. Стаж присутствия на рынке: OUBS – 10 лет, EBS – 2 года. IBR – 12 лет.
2. Программы обучения: OUBS – смешанное обучение, EBS – стационарное или модульное обучение, IBR – заочное.
3. Стоимость образования: 12900 евро – OUBS, 19500 – EBS и 11500 IBR. Дороже всех обучение в EBS – потому что они избрали стационарный формат образования, в OUBS дешевле, за счёт того что образование смешанное, IBR на 40% субсидирует образование в Украине за счёт государственных средств – в противном случае обучение у них стоило бы 19 200 – точно как в EBS. Из этого можем сделать вывод, что данная стоимость обучения – объективно обусловленная величина.
4. Особенности учебного процесса: разбитый на три блока с отдельной сертификацией после каждого учебный цикл в OUBS, стационарное обучение с возможностью пролонгирования учёбы и прохождения учебной программы по частям у EBS, резидентные периоды обучения в Германии у IBR.
5. Продолжительность обучения: OUBS – 3 года, EBS – 20 – 24 месяца (с возможной пролонгацией до 7 лет), IBR – 20 месяцев.
6. Языки преподавания: OUBS – русский (на последнем этапе – английский), EBS – русский или английский по выбору, IBR – только английский.
7. Аккредитация: три всемирно признанные самые престижные у OUBS, только национальный диплом у EBS и одна европейская ассоциация FIBAA – у IBR.
8. Миссия обучения сформулирована у OUBS, и не сформулирована у двух других ОУ.
9. Дополнительные образовательные услуги кроме MBA оказывает только IBR – в этом он близок к подавляющему большинству прочих ОУ MBA, Напротив, EBS и OUBS не предлагают таких услуг скорее всего по той причине, что имеют достаточный поток целевых клиентов MBA, чтобы не испытывать потребности (пока, во всяком случае) в диверсификации своих усилий. Возможно также, что себестоимость их образовательных услуг слишком велика, чтобы работать с малоцелевыми клиентами.

10. Условия поступления: никаких ограничений (кроме английского на последнем этапе обучения) у OUBS, эссе, собеседование, наличие руководящего стажа в EBS и «строгий отборочный процесс с учетом личных качеств, профессионального опыта и академического образования, длительностью около 3-х» у IBR.

В вопросах отбора поступающих также наблюдаются некоторые отличия:

У OUBS совершенно особая, не присущая другим ОУ структура образования, состоящая из трёх циклов, каждый из которых является логически целостным, оплачивается отдельно и по окончании его выдаётся отдельный сертификат. При этой изучение каждого из них возможно только после успешного прохождения предшествующего курса. Соответственно на MBA OUBS добавляются такие требования как «наличие профессионального сертификата», чтобы получить возможность учиться второй год, и «наличие профессионального диплома», чтобы получить возможность учиться третий год, для этого же необходимо владение английским. Наиболее полный комплект требований по поступлению у EBS: требуется не просто стаж работы, но управленческий опыт, высокая мотивация, вступительное собеседование и написание эссе. Не очень определённо формулирует требования к поступающим IBR: «отбор происходит с учётом личных качеств».

Общим является то, что диплом о высшем образовании является обязательным во всех случаях, как и наличие профессионального стажа не менее двух лет.

Сходство между иностранными ВУЗами ОУ MBA заключается в том, что все они предлагают обучение без отрыва от основной работы, а также в активной работе с выпускниками, создании их социальных сетей и координации совместных усилий через специально созданные для этой цели сайты и возможности обучения на русском либо английском языке, по выбору обучающихся (OUBS и EBS).

Много общего также в ключевых достоинствах этих учреждений.

1. Международная аккредитация диплома.
2. Гибкая система обучения, совместимая с работой, выбор языка обучения студентами.
3. Развитая сеть представительств головных учреждений и контактов среди выпускников школы, хорошие связи в мире бизнеса.

4. Хорошая презентация информации о себе и своём продукте в мировом информационном пространстве.

5. Лояльные ограничения в требованиях к поступающим, строгие требования в процессе учёбы.

III. Структура представления информации.

Все иностранные ВУЗ МВА на своих сайтах представляют информацию о себе и своих продуктах, следуя чётко определённой схеме.

Учреждение:

- краткая история головного учреждения;
- история бизнес-школы;

Достижения.

Адрес представительства со ссылкой.

Требования к поступающим.

Учебный процесс:

- программы;
- условия получения степени;
- языки обучения;

Аккредитация.

Стоимость.

Ключевые преимущества.

Дополнительно:

- общие сведения об МВА;
- какие-либо дополнительные курсы повышения экономической грамотности;
- партнёры;
- проекты;
- т. д.

Различие заключается главным образом в степени мастерства и подробности, с которой на том или ином сайте эта тема разрабатывается, а также очередности и глубине разработки материала разных групп.

Данная структура презентации информации является оптимальной: любой интересующийся деятельностью учреждения на его сайте может быстро найти

достаточно подробное описание актуальных для него аспектов его деятельности и особенностей его образовательного продукта.

Из всего выше сказанного возможно сделать следующие **выводы**:

1. Упомянутые различия между учреждениями носят настолько всеобщий характер, и при этом настолько аккуратно заполняют все основные ниши рынка, с минимумом конкуренции между собой, что мы склонны считать их не случайностью, а результатом тщательно проводимой маркетинговой политики после высококачественного предварительного исследования рынка. В пользу этой гипотезы говорит, например, тот факт, что EBS, признанный лидер в сфере дистанционных образований, обнаружив, что рынок BLE заполнен девятью представительствами OUBS, принял решение развивать в Украине именно стационарное образование, пусть и по цене существенно более высокой, чем у того же OUBS.

2. Миссия обучения провозглашена только у OUBS, при этом она соответствует мировому стандарту MBA, который подразумевает не просто получение узко специализированных знаний, но формирование класса международных управленцев. Жаль, что два других ВУЗа не декларируют её на сайте: данный вопрос является принципиальным, так как в ответе на него проходит граница между классическим MBA и прочими его узко специализированными видами.

3. Общие черты образовательных учреждений обусловлены приоритетностью этих направлений, где они имеют место, и малым числом возможных вариантов выбора: как показывают исследования рынка, соискатели MBA в Украине чаще всего не могут жертвовать работой, чтобы получить образование – следовательно, все конкуренты волей – неволей должны предлагать формы обучения совместимые с работой, а влияние соцсетей на продвижение образовательных продуктов и повышения влияния ОУ трудно переоценить – потому естественно, все они формируют, активно координируют и развивают взаимодействие структур выпускников.

4. Общим моментом всех сайтов является недостаток информации о профессорско-преподавательском составе – это достаточно странно, если учесть, что на сайтах головных ВУЗов необходимая информация имеется почти на-

верняка, а размещение её на сайтах представительств существенно повысило бы релевантность как для пользователей, так и для поисковых систем.

5. В целом ключевые преимущества рассмотренных учреждений соответствуют высшим международным стандартам, а их методы работы с общественностью, равно как и формы презентации своего бренда в информационном поле заслуживают внимания и во многом могут являться образцом для отечественных бизнес – школ.

Список использованных источников:

1. Материалы информационного сайта MBA Strategy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mbastrategy.ua/content/view/1079/215/lang,Rus>
2. Материалы информационного сайта Бизнес-школа РФК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bsrfc.com.ua/partners-bsrfc>
3. Материалы информационного сайта «МВА-центр СТРАТЕГИЯ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mba-ou.com.ua>
4. Материалы информационного сайта «Edinburg Business School Heriot-Watt University» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britishmba.in.ua/ru>
5. Материалы информационного сайта «IBR Institute of International Business Relations GmbH» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ibr-network.com>
6. Материалы информационного сайта «Master of Business Administration» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mba.odessa.ua/whatis.html>

Сучасні стратегії в регіональному управлінні та місцевому самоврядуванні

Д. держ. упр. Бова Т. В.

*Рівненський національний університет водного господарства
та природокористування, Україна*

КОНЦЕПТУАЛЬНІ ПОЛОЖЕННЯ РОЗРОБКИ РЕГІОНАЛЬНОЇ ІННОВАЦІЙНО-ІНВЕСТИЦІЙНОЇ ПОЛІТИКИ

Українські регіони характеризуються високим ступенем економічної неоднорідності, а отже, і відмінністю можливостей залучення інвестиційних ресурсів. Переваги інвесторів пов'язані в основному з вкладеннями ресурсів

в крупні центри з розвинутою ринковою інфраструктурою, з порівняно високою платоспроможністю населення, а також в сировинні регіони. В той же час в системному відношенні економіка регіону представляється відносно самостійною частиною національної економіки з властивою їй суверенізацією в рамках держави. Це ініціює зростання самостійності регіонів у проведенні регіональної інвестиційної політики.

На нашу думку, формування регіональної інноваційно-інвестиційної політики з метою економічного зростання здійснюється на підставі наступних концептуальних положень:

1) регіональна інноваційно-інвестиційна політика є результатом сумісних дій державних і регіональних органів влади;

2) державні органи влади відповідальні за розробку рамкових умов територіального розвитку, обґрунтування пріоритетів і форм використання державних інвестиційних ресурсів;

3) змістовне навантаження регіональної інвестиційної політики покладено на регіональні органи влади:

– вони повинні чітко визначити місце регіону в економіці країни, її секторах і галузях;

– у компетенцію регіональних органів влади повинні входити постановка цілей розвитку регіону та їх узгодження з метою розвитку економіки країни;

– на регіональному рівні можуть бути створені додаткові умови для активізації інноваційно-інвестиційної діяльності, виходячи з організаційних можливостей і ресурсної бази;

– регіональні органи влади здійснюють селекцію інструментів для активізації інноваційно-інвестиційної діяльності.

Здійснення інноваційно-інвестиційної політики в регіоні припускає створення відповідної системи управління інноваційно-інвестиційною діяльністю і механізму її функціонування.

Необхідність вирішення завдань системи управління інноваційно-інвестиційною діяльністю в регіоні дозволяє зробити висновок, що регіональна інноваційно-інвестиційна політика повинна бути різноспрямованою і включати блоки, представлені на рис. 1.

Таким чином, зміст регіональної інноваційно-інвестиційної політики свідчить про те, що процес її формування дуже складний, оскільки охоплює комплекс широкого спектру заходів і заходів, направлених на досягнення економічного розвитку регіону на основі реалізації конкурентних переваг території, а також збалансованості цілей і інтересів держави, регіону і бізнесу.

Розробка ефективної регіональної інвестиційної політики зв'язана з вирішенням цілого ряду проблем. До них відносяться, в першу чергу, проблеми узгодження державної інвестиційної політики і політики регіонів. Диференційованість інвестиційного середовища, різноманіття форм і методів стимулювання інвестицій, відсутність уніфікованих схем просування проектів ускладнюють активізацію інноваційно-інвестиційного процесу. Аналіз фактологічного і статистичного матеріалу свідчить про процеси відтоку вітчизняного капіталу та відсутність масштабного притоку іноземних інвестицій.

В даний час багатьма регіонам вдалося розробити більш системну інвестиційну політику у порівнянні з державним рівнем. Проте це не привело до істотних зрушеннями в інноваційно-інвестиційній сфері.

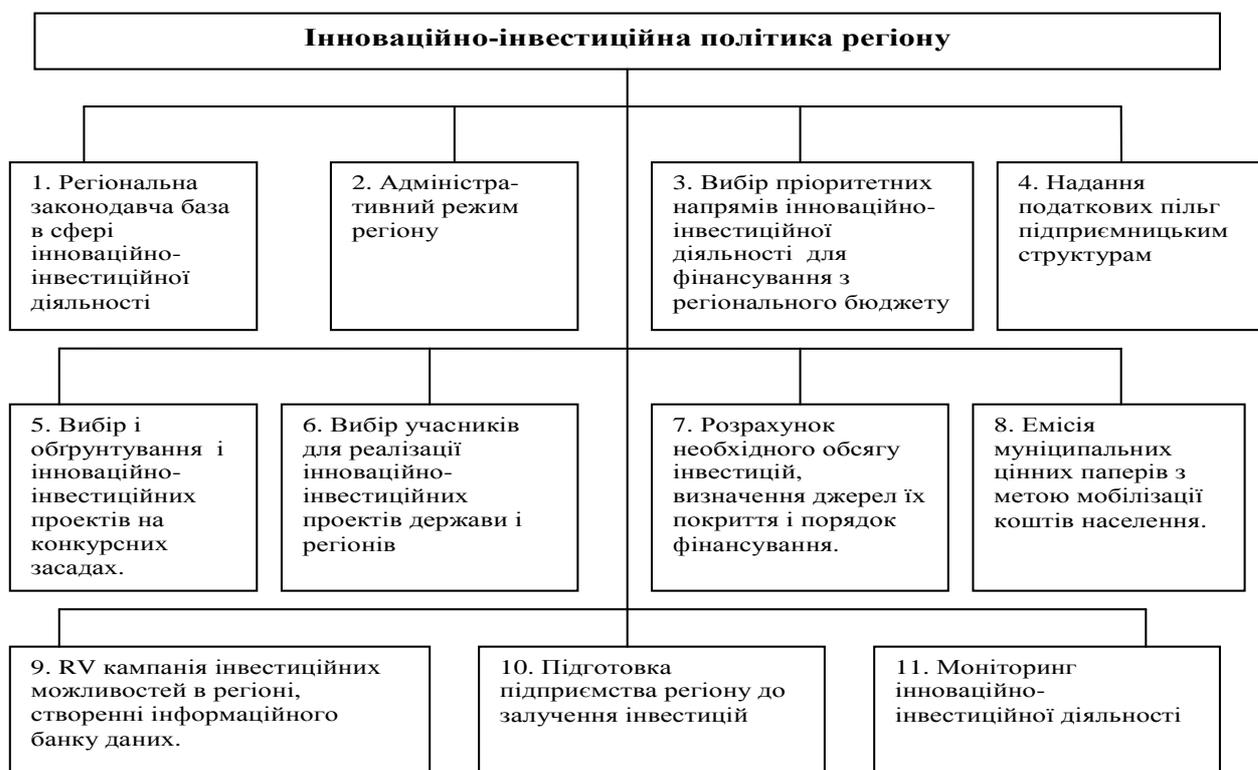

Рис. 1. Основні блоки інноваційно-інвестиційної політики регіону

Цілком очевидно, що за наявності протиріч між державним і регіональним законодавством не може бути забезпечений механізм гарантування інвестицій. Це зумовлює потребу в розробці державної інвестиційної політики і її нормативно-правової бази на основі аналізу, систематизації і уніфікації державного і регіонального права з урахуванням апробованих на практиці вітчизняних досягнень, а також світового досвіду.

Д. э. н., к. ю. н. Имамов М. М.

*Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации
по Республике Татарстан, г. Казань*

МЕТОД ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

В течение нескольких десятилетий теория планирования и прогнозирования бурно развивалась, в результате чего возникли различные способы и методы планирования. Некоторые из них специфичны, другие универсальны. К последним относится и метод программно-целевого планирования.

Сущность программно-целевого планирования состоит в отборе основных целей социального, экономического и научно-технического развития, разработке взаимоувязанных мероприятий по их достижению в намеченные сроки при сбалансированном обеспечении ресурсами и эффективном развитии производства.

Программно-целевой метод планирования и управления предполагает определенную документальную базу. Основным документом, характеризующим социально-экономические процессы в регионах России с точки зрения планирования и определяющим регулируемую роль государства, являются прогнозы социально-экономического развития на соответствующие периоды. Их содержание выходит за рамки чистых прогнозов, т. к. они содержат реальные предложения по воздействию на экономику страны.

Программно-целевое бюджетное планирование исходит из ориентации бюджетных ресурсов на достижение общественно значимых и, как правило, количественно измеримых результатов деятельности администраторов бюджетных

средств с одновременным мониторингом и контролем за достижением намеченных целей и результатов, а также качества внутренних процедур бюджетного планирования [2].

По содержанию целевые комплексные программы можно разделить на несколько видов.

1. Социально-экономические программы – предусматривают решение проблем социального характера и повышение материального уровня жизни населения.

2. Научно-технические программы – направлены на решение научных и технических проблем, ускорение внедрения в производство достижений науки и техники, позволяющих обеспечить в ближайший период значительный положительный эффект. Перечень научно-технических программ формируется исходя из приоритетов развития экономики.

3. Производственно-экономические программы – предназначены для решения крупных межотраслевых проблем в области производства, способствующих повышению эффективности действующих и развитию новых производств.

4. Территориальные программы – направлены на преобразование регионов, комплексное освоение новых территорий и решение других задач в регионах.

5. Экологические программы – представляют собой комплекс мероприятий природоохранного характера.

6. Организационно-хозяйственные программы – направлены на совершенствование организации управления экономикой.

Целевые комплексные программы различаются также по своей временной продолжительности. Они могут быть долгосрочными, разрабатываемыми на период свыше пяти лет, и среднесрочными – продолжительностью до пяти лет.

Целевые комплексные программы, хотя и разрабатываются государством, могут быть реализованы на различных уровнях. Эти уровни таковы:

1) народнохозяйственные (общегосударственные), направленные на решение проблем, оказывающих влияние на всю национальную экономику;

2) межотраслевые, охватывающие группу однородных, технологически связанных между собой отраслей;

3) общепромышленные, реализация которых имеет принципиальное значение для технического развития той или иной отрасли народного хозяйства;

4) подотраслевые, цели и ресурсы которых ограничиваются рамками отдельных отраслей, подотраслей.

Программно-целевой подход предполагает развитие системы основополагающих принципов планирования.

1. Принцип целостности системы. В соответствии с данным принципом планирование должно охватывать все аспекты данной системы, не ограничиваясь лишь какой-либо ее частью.

2. Принцип комплексности программ, требующий наиболее сбалансированного решения комплекса правоохранительных задач, связанных с развитием системы.

3. Принцип согласованности. Предусматривает увязку данной целевой программы с другими федеральными программами и программами субъектов Российской Федерации.

4. Принцип ориентации на конечные потребности в развитии системы. Целью программы должен быть конечный результат, необходимый для решения конкретной задачи развития системы.

5. Принцип конкретной ограниченности цели программы.

6. Принцип обеспечения программы системой мер, обеспечивающих ее реализацию.

7. Принцип оптимизации программы. Данный принцип требует использования при обосновании целевой программы современных математических методов оптимизации.

Как показывает практика, соблюдение всех принципов программно-целевого планирования является необходимым условием успешной реализации целевых программ.

Основными методами, используемыми в программно-целевом подходе, являются:

– приемлемое планирование (наиболее простой метод, предусматривающий планирование от «возможностей», как правило, без применения экономико-математических методов и ЭВМ);

– оптимальное планирование – метод, широко использующий экономико-математические методы и методы исследования операций, когда варьируемые показатели плана выбираются из условий достижения экстремума меры эффективности выполнения планируемых мероприятий (целевой функции);

– адаптивное планирование – метод, обладающий достоинствами оптимального планирования и учитывающий все основные организационные аспекты.

Программно-целевой подход в планировании и управлении в последние десятилетия получил самое широкое распространение, поскольку разработка и реализация целевых комплексных программ является действенным способом решения острых проблем, требующих сосредоточения ресурсов, концентрации усилий, целевой ориентации используемых средств, согласованности централизующих действий [1].

Список использованных источников:

1. Райзберг Б. А. Программно-целевое планирование и управление: учебник / Б. А. Райзберг, А. Г. Лобко. – М.: Инфра-М., 2002. – 551 с.
2. Рулева В. В. Методы контроля использования средств бюджета, ориентированного на результат: автореф. дис. ... канд. экон. наук. / В. В. Рулева. – Иваново, 2006. – 20 с.

**Проблеми вітчизняного
та іноземного конституціоналізму**

Москаленко С. А.

*ФГАОУ ВПО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Российская Федерация*

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА РАВНОПРАВИА
МУЖЧИН И ЖЕНЩИН (НА ПРИМЕРЕ СТРАН СНГ)**

*Работа выполнена в рамках государственного задания;
регистрационный номер 6.2962.2011*

Современное законодательство всех цивилизованных стран, а также международно-правовые акты в области прав человека закрепляют в качестве одного и обязательных демократических требований равенство прав мужчин и женщин во всех сферах их жизни и запрещение дискриминации в отношении женщин под угрозой ответственности, вплоть до уголовной [13, с. 167].

Вместе с тем следует отметить, что и сегодня равноправие мужчин и женщин не во всех странах получило именно конституционное закрепление и развитие. Так, в США имеется весьма обширное законодательство, не позволяющее подвергать женщин дискриминации, однако предложенная поправка к конституции о равноправии мужчин и женщин не вступила в силу, поскольку не была своевременно ратифицирована необходимым большинством штатов [12, с. 57].

Указанные обстоятельства сохраняют актуальность исследования имеющегося зарубежного конституционного опыта закрепления равноправия мужчин и женщин. Это в дальнейшем позволит оценить сложившуюся практику, оценить ее положительные и отрицательные стороны, а также представить направления по совершенствованию правового регулирования заявленной сферы в России.

Научный интерес к государствам-членам и участниками СНГ обусловлен тем, что их суверенное развитие и становление правовой системы находится в сопоставимой системе политических и юридических координат между собой.

При этом за истекший с 1991 г. период наиболее показательны проявились и особенности конституционного строительства. Определенным мерилom в этом смысле мы избрали Российскую Федерацию (ч. 3 ст. 19) [1]. Таким образом, осуществленный анализ показал следующие результаты.

При наличии в конституциях положения о равноправии мужчин и женщин, таковое включено в раздел/главу, посвященную субъективным правам и свободам («Основные права, свободы и обязанности» в Азербайджане [8], «Основные права и свободы» в Киргизии [11], «Права, свободы, основные обязанности человека и гражданина» в Таджикистане [5], «Права, свободы и обязанности человека и гражданина в Туркменистане» [2], «Права, свободы и обязанности человека и гражданина» в Украине [9]).

Обратим внимание, что в Конституции Республики Узбекистан искомая норма локализована в Главе X «Гарантии прав и свобод человека» [3].

В указанных разделах / главах учредительных актов государств в составе СНГ имеется обособленная статья (ст. 16 Конституции Киргизии, ст. 46 Конституции Узбекистана, ст. 20 Конституции Туркменистана, ст. 24 Конституции Украины), как правило, посвященная праву на равенство с соответствующим наименованием (ст. 25 «Право на равенство» Конституции Азербайджана, ст. 17 «Все равны перед законом и судом» Конституции Таджикистана).

Дальнейший детальный анализ конституций участников и членов СНГ позволил разделить таковые на несколько групп с присущими им общими характеристиками.

В первую группу включены учредительные акты стандартного типа (обратим внимание, что в данном случае за «стандарт» взято положение о равных правах мужчин и женщин, возможностях их реализации в Конституции России – ч. 3 ст. 19).

Так, в Конституции Киргизии установлено, что «В Кыргызской Республике мужчины и женщины имеют равные права и свободы, равные возможности для их реализации» (ч. 4 ст. 16). Таким образом, приведенная формулировка фактически идентична российскому установлению. Кроме того, отметим, что в данной статье, нетипично для конституций рассматриваемой группы государств

сначала закреплён принцип недискриминации (ч. 2 ст. 16), а далее универсальный принцип равенства всех перед законом и судом (ч. 3 ст. 16). Как правило, эти принципы следуют в обратном порядке.

Наиболее развернутая норма в заявленной сфере содержится в ч. 3 ст. 24 Конституции Украины в следующей формулировке: «Равенство прав женщины и мужчины обеспечивается: предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в общественно-политической и культурной деятельности, в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и вознаграждении за него; специальными мерами по охране труда и здоровья женщин, установлением пенсионных льгот; созданием условий, дающих женщинам возможность сочетать работу с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и иных льгот беременным женщинам и матерям».

Таким образом, в Конституции Республики Украина не только указывается на равенство прав и возможностей мужчин и женщин, но также на конкретные сферы их реализации.

Во вторую группу конституций с положениями фрагментарного характера включены учредительные акты, в которых закрепляются равные права мужчин и женщин, но без указания соответствующих возможностей: «Мужчины и женщины обладают равными правами и свободами» (ч. II ст. 25 Конституции Азербайджана); «Мужчины и женщины равноправны» (ч. 2 ст. 17 Конституции Таджикистана); «Женщины и мужчины имеют равные права» (ст. 46 Конституции Узбекистана).

Отметим оригинальность формулировки ст. 20 Конституции Туркменистана, в которой установлено «Мужчина и женщина в Туркменистане имеют равные гражданские права. Нарушение равноправия по признаку пола влечет ответственность по закону». Таким образом, здесь указывается лишь на равенство в гражданских правах, поэтому в полной мере мы не можем утверждать об универсальном равенстве мужчины и женщины в Туркменистане. Помимо прочего, данное положение, совмещено в ст. 20 с нормой принципа недискриминации по половому принципу. Как правило, в учредительных

актах отдельно не выделяют принцип недискриминации по половому признаку, он закрепляется в совокупности с иными признаками.

В третью группу включены конституции государств СНГ, в которых отсутствует «прямое» указание универсальное равенство прав мужчин и женщин. К таковым отнесена Конституция Армении [6]. В рамках основ конституционного строя данного государства (Глава 1) ст. 16 закрепляет принцип равенства и недискриминации, адресованный человеку и гражданину. В Главе 2 «Основные права и свободы человека и гражданина» ст. 32 (ч. 2) устанавливает, что «женщины и мужчины при вступлении в брак, в ходе супружеской жизни и при разводе пользуются равными правами». Последнее положение регулирует так называемое статусное равенство в правах мужчин и женщин при вступлении в брак, во время супружеской жизни и после развода.

В данную группу нами также включена Конституция Республики Беларусь [10]. Ее нормы по поводу заявленного предмета исследования аналогичны Конституции Армении. Имеется установление о равенстве всех перед законом, а также о недискриминации (ст. 22 в Разделе II «Личность, общество, государство»). В отличие от Конституции Армении указанное положение локализовано не в рамках основ конституционного строя, а непосредственно в разделе, посвященном отношениям личности, общества и государства. В этом же разделе в ст. 32 имеется норма о равноправии супругов в семейных отношениях.

Оригинальностью отличаются положения Конституции Республики Молдова [4], которые лишь опосредованно касаются предмета исследования. Так, в Раздел II «Основные права, свободы и обязанности» ст. 16 с наименованием «Равенство» в закрепляет и принцип равенства всех перед законом и властями, и принцип недискриминации (ч. 2).

Также отметим, что в ст. 42 «Семья» указывается на равноправие мужчин и женщин как основу семьи (ч. 2). Что тоже является своеобразной интерпретацией равных прав мужчин и женщин в семейных и постсемейных отношениях.

В Конституции Республики Казахстан имеется лишь принцип равенства всех перед законом и судом, а также принцип недискриминации, в том числе, по половому признаку (ч. 1 и 2 ст. 14) [7].

Полагаем, наличие универсальных принципов равенства всех перед законом и судом в данной группе конституций положительный правовой феномен. Вместе с тем, считаем, существенным недостатком отсутствие в данных учредительных актах статей о равных правах мужчин и женщин. Представляется, отдельное закрепление этого принципа в конституции подчеркивает признание равного правового статуса мужчины и женщины и позволяет воспринимать последнюю не только в статусе супруги или экс-супруги. Отсутствие конституционного признания равных прав у мужчин и женщин можно расценивать в качестве фактора, который делает права женщин уязвимыми в указанных государствах. Имеющиеся пробелы создают благоприятные условия для гендерных деструкций.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; 2009. – 21 янв.
2. Конституция Туркменистана 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkmeny.blogspot.com>
3. Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/isp.htm>
4. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/isp.htm>
5. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/isp.htm>
6. Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/isp.htm>
7. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/isp.htm>
8. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/isp.htm>
9. Конституция Украины от 28 июня 1996 г. (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/isp.htm>
10. Конституция Республики Беларусь от 24 ноября 1996 г. (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/isp.htm>
11. Конституция Киргизии от 27 июня 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russkg.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=95:-27-2010-&catid=27:2010-08-20-08-52-42&Itemid=30
12. Автономов А. С. Права человека, правоохранительная и правозащитная деятельность / А. С. Автономов. – М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2009.
13. Бондарь Н. С. Гражданин и публичная власть: конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении / Н. С. Бондарь. – М.: Городец, 2004.

К. ю. н. Новикова А. Е., Жорник А. М.

НИУ «Белгородский государственный университет»,

Российская Федерация

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Работа выполнена в рамках государственного задания;

регистрационный номер 6.2962.2011

Политическое убежище – это правовой институт, признанный и реализуемый в большинстве стран мира. В данном аспекте Российская Федерация не является исключением. В ч. 1 ст. 63 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) говорится: «Российская Федерация предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права» [4].

Помимо существующих и признаваемых общепризнанных норм международного права [2; 3], Российская Федерация разработала свою систему национальных нормативно-правовых актов, которые призваны регулировать данный институт. Первое место среди них занимает Указ Президента Российской Федерации (далее – Президент РФ) от 21 июля 1997 г. «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» [5], в соответствии с которым Российская Федерация предоставляет политическое убежище лицам, ищущим убежище и защиту от преследования или реальной угрозы стать жертвой преследования в стране своей гражданской принадлежности или в стране своего обычного местожительства за общественно-политическую деятельность и убеждения, которые не противоречат демократическим принципам, признанным мировым сообществом, нормам международного права. При этом принимается во внимание, что преследование направлено непосредственно против лица, обратившегося с ходатайством о предоставлении политического убежища.

Также в данном положении указан перечень лиц, которым политическое убежище не может быть предоставлено:

- лицо преследуется за действия (бездействие), признаваемые в Российской Федерации преступлением, или виновно в совершении действий, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций;

- лицо привлечено в качестве обвиняемого по уголовному делу либо в отношении него имеется вступивший в законную силу и подлежащий исполнению обвинительный приговор суда на территории Российской Федерации;

- лицо прибыло из третьей страны, где ему не грозило преследование;

- лицо прибыло из страны с развитыми и устоявшимися демократическими институтами в области защиты прав человека;

- лицо прибыло из страны, с которой Российская Федерация имеет соглашение о безвизовом пересечении границ, без ущерба для права данного лица на убежище в соответствии с Законом Российской Федерации «О беженцах»;

- лицо представило заведомо ложные сведения;

- лицо имеет гражданство третьей страны, где оно не преследуется;

- лицо не может или не желает вернуться в страну своей гражданской принадлежности или страну своего обычного местожительства по экономическим причинам либо вследствие голода, эпидемии или чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Решение о предоставлении лицу политического убежища оформляется Указом Президента, что свидетельствует о важности и особом характере данного статуса.

Лицо, желающее получить в России политическое убежище, должно направить ходатайство о предоставлении Российской Федерацией политического убежища на имя Президента РФ в территориальный орган Федеральной миграционной службы (далее – ФМС). Вместе с ходатайством подаются документ, удостоверяющий личность, два черно-белых фото; заполняются анкета

и опросные листы, а также проводится с лицом собеседование. Указанные документы подаются заявителем лично в течение семи дней по прибытии на территорию Российской Федерации или с момента возникновения обстоятельств, не позволяющих этому лицу вернуться в страну своей гражданской принадлежности либо страну своего обычного местожительства. Более подробно с данной процедурой можно ознакомиться в Административном регламенте ФМС, утвержденном Приказом ФМС от 5 декабря 2007 г. [6].

Среди органов, принимающих участие в рассмотрении ходатайства, в Положении и Регламенте указаны:

- ФМС РФ (в частности, Управление по вопросам гражданства);
- Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ);
- Министерство иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД РФ);
- Федеральная служба безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ РФ);
- Комиссия по вопросам гражданства при Президенте РФ (далее – Комиссия).

При этом для каждого указанного органа устанавливается лимит времени для рассмотрения документов – 1 месяц.

После подачи ходатайства заявитель подлежит обязательной дактилоскопической регистрации. Обязательную дактилоскопическую регистрацию заявителя проводит уполномоченный сотрудник территориального органа ФМС России по месту подачи ходатайства.

После заполнения и подачи всех необходимых документов сотрудник, принявший их, составляет мотивированное заключение, в котором отражаются основные биографические данные заявителя, его доводы в обоснование ходатайства, информация о внутриполитическом положении в стране происхождения заявителя, а также выводы и предложения о возможности принятия ходатайства к рассмотрению. Это заключение направляется руководителю территориального органа ФМС РФ, который, в свою очередь, принимает решение об отказе в приеме ходатайства к рассмотрению или о его приеме. В последнем случае

заявителю выдается Справка о законном пребывании иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации в связи с рассмотрением его ходатайства о предоставлении Российской Федерацией политического убежища. После этих процедур ходатайство рассматривается в выше-названных органах, которые дают свои заключения, на основании которых Президент РФ принимает решение о предоставлении или непредоставлении политического убежища.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что в Российской Федерации процедура предоставления политического убежища (в отличие, например, от процедуры предоставления статуса беженца) регулируется не федеральным законом, а Указом Президента РФ и Административным регламентом ФМС РФ, т. е. ведомственным актом. Однако, не смотря на это, процедура предоставления политического убежища Российской Федерацией урегулирована достаточно подробно и последовательно. Представляется, что правоприменительная деятельность в этой связи должна базироваться на однозначных правовых установлениях, не допускающих интерпретационных разногласий, а в последующем реальных проблем.

Список использованных источников:

1. Конвенция о статусе беженцев (заключена в г. Женеве 28.07.1951 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 9. – С. 6–28.
2. Декларация о территориальном убежище (принята 14.12.1967 г. Резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеей ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 287–289.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; 2009. – 21 янв.
4. Указ Президента РФ от 21.07.1997 г. (ред. от 12.07.2012 г.) «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» // Российская газета. – 1997. – 29 июля.
5. Приказ ФМС РФ от 05.12.2007 г. № 451 (в ред. Приказа ФМС РФ от 22.01.2010 г. № 16) «Об утверждении Административного регламента Федеральной миграционной службы по исполнению государственной функции по исполнению законодательства Российской Федерации по предоставлению политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства» (зарегистрировано в Минюсте РФ 28.02.2008 г. № 11245) // Российская газета. – 2008. – 19 марта.

К. ю. н. Новикова А. Е., Жорник А. М.

НИУ «Белгородский государственный университет», Российская Федерация

СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПРАВООЗАЩИТНЫЕ РИСКИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Работа выполнена в рамках государственного задания;

регистрационный номер 6.2962.2011

Исходя из конституционного постулирования человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности и адресации государству обязанности их защищать (ст. 2) [2], целесообразна дальнейшая разработка категории «правозащитные риски» с учетом их видового многообразия, чему способствует метод классификации.

В качестве одного из критериев автором обозначен общегарантный. Такой характеризует совокупность объективных условий конкретного государства, в рамках которого возникают и минимизируются правозащитные риски. Это дает основание утверждать о наличии правозащитных рисков, обусловленных, в том числе, политическими, экономическими и социальными условиями и обстоятельствами.

В рамках данной работы ввиду особого общественного интереса и «близости» населению охарактеризуем социально обусловленные правозащитные риски. Они связаны с неравномерностью доходов населения, отсутствием реального государственного социального обеспечения, неразвитостью социальной структуры общества и неэффективностью форм его активности. В силу этого социальные процессы, даже законодательно урегулированные, несут в себе конфликтный потенциал и не могут в полной мере способствовать решению общегарантных задач.

Так, судебная практика демонстрирует неудовлетворенность российских граждан системой социальных выплат. На уровне субъектов России наблюдается снижение уровня социальной поддержки, которая зависит от экономических возможностей субъектов, в связи с чем нарушается конституционный принцип равенства. На это неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ [5].

В рамках законодательных инициатив не всегда учитываются социальные последствия предлагаемых мер. Например, осуществленная в Законе РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» [4] законодательная инициатива по отмене обязательства Российской Федерации по обеспечению софинансирования расходов по выплате компенсации родителям (законным представителям) за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования, путем предоставления бюджетам субъектов РФ субсидий, не учитывает следующее.

Введение названного изменения в силу недостаточности финансовых средств у большинства субъектов России не позволит им обеспечить реализацию указанного права граждан на получение компенсации в равной мере на территории государства и тем самым гарантировать право граждан на получение общедоступного дошкольного образования. Между тем Российская Федерация согласно п. 21 ст. 28 названного Закона несет обязательство по обеспечению государственных гарантий прав граждан в области образования.

Действующее законодательство в ряде случаев исходит из необходимости гарантировать получение социальных выплат не только самому получателю, но и членам его семьи. При этом такое право находится в прямой причинно-следственной связи с фактом обучения гражданина, членом семьи которого является получатель, в основном это родители (законные представители) [8, с. 57–63].

В системе социальных выплат в сфере образования присутствует некоторая избирательность их предоставления, вызванная отсутствием комплексного видения образования, включающего семейное образование, образование в форме экстерна, самостоятельного обучения и др.

Так, система образования предусматривает возможность проведения диссертационного исследования на соискание ученой степени в форме соискательства. Каких-либо социальных выплат в рамках данной формы не предусматривается, поэтому получение социальной выплаты, например по уходу за нетрудоспособным гражданином, является существенным подспорьем. Поскольку в отдельных

случаях законодательство обязывает выбрать вид социальной выплаты (пособие по безработице или по уходу за нетрудоспособным гражданином) или ее разновидность (вид пенсии) либо при наличии оснований для получения нескольких видов социальных выплат устанавливает необходимость выбрать одну из них (например, трудовая пенсия или пенсия по случаю потери кормильца), категория соискателей характеризуется социальной незащищенностью (в силу необходимости ведения научного исследования и отсутствия в связи с этим какого-либо заработка) [8, с. 57–63].

Одной из самых острых социальных проблем современной России является демографическая обстановка, для решения которой государством была предложена программа стимулирования рождаемости, включающая в себя комплекс мер административной, финансовой, социальной поддержки молодой семьи. Одной из мер материальной поддержки женщины, которая приняла решение родить второго ребенка, стало предоставление в ее распоряжение средств материнского капитала, что должно поддерживать ее финансовый и социальный статус [7, с. 39–43].

Таким образом, 29 декабря 2006 г. был принят Федеральный закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [3]. Однако, как только любой закон начинает применяться на практике, сразу выявляются недоработки, и данный правовой акт не исключение. Несмотря на вносимые в федеральный закон изменения все равно были и есть неопределенности в решении вопросов, связанных с получением средств материнского капитала.

Например, изменения, внесенные в Федеральный закон № 256-ФЗ, теперь позволяют семьям, имеющим право на получение средств материнского капитала, воспользоваться ими при строительстве (реконструкции) жилых домов без привлечения подрядных организаций. Так как участие подрядной организации делало практически невозможным привлечение средств материнского капитала на строительство, а также привлечение подрядной организации значительно увеличивало стоимость строительства. Просто именно таким образом государство страховало себя от случаев мошенничества, а родители и их дети не

могли улучшить жилищные условия путем самостоятельного строительства. Теперь, для того чтобы строить и реконструировать самостоятельно, половина от материнского капитала будет перечисляться на счет обладателя сертификата, если она (он) или ее супруг (его супруга) представит копии документов, подтверждающих право собственности (право пользования) на земельный участок; разрешение на строительство; право собственности на дом, в случае его реконструкции; письменное обязательство оформить жилье в общую собственность в течение шести месяцев после получения кадастрового паспорта. Вторую половину можно будет потратить на те же цели через полгода, если произведен монтаж фундамента, возведение стен и кровли или в случае реконструкции жилая площадь увеличилась не менее чем на учетную норму (минимальный размер площади жилого помещения), устанавливаемую в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации.

Использование материнского капитала при совершении покупки недвижимости раньше приводило к некоторым трудностям, так как деньги от Пенсионного фонда необходимо было ждать продавцу достаточно длительное время. Теперь изменениями в рассматриваемый закон о материнском капитале предусмотрено сокращение срока между подачей заявления о распоряжении средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала и перечислением гражданам этих средств [7, с. 39–43].

Что касается, еще неразрешенных положений, то в ч. 4 ст. 10 Федерального закона № 256-ФЗ о материнском капитале сказано, что жилое помещение, приобретенное с использованием средств (части средств) материнского капитала, оформляется в общую собственность родителей, детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) и иных совместно проживающих с ними членов семьи с определением размера долей по соглашению. Таким образом, возникают сложности в применении этой нормы на практике. В частности, если средства капитала будут направлены на исполнение ранее возникших обязательств (ипотечного кредита), то право собственности на жилое помещение уже возникнет в момент государственной регистрации ранее заключенного договора, его уже невозможно будет оформить в общую собственность членов семьи [7, с. 39–43].

Еще одна проблема связана с определением вида общей собственности на жилое помещение и размера доли. На жилое помещение может возникнуть только долевая собственность, а определение размера доли должно осуществляться согласно Гражданскому кодексу РФ с учетом вклада каждого из участников в образование общего имущества. Например, женщина приобретает квартиру с использованием средств материнского капитала, при этом основную сумму составляют ее собственные сбережения; в семье имеется два ребенка, проживающая совместно с ними бабушка и отец детей, проживающий уже с другой семьей. Согласно норме Федерального закона о материнском капитале квартира должна поступить в их долевую собственность с долей каждого в размере 1/5, с учетом родителей, детей, других совместно проживающих членов семьи. Однако такая ситуация не только несправедлива в отношении матери детей, но и противоречит логике вышеуказанного правового акта.

Несмотря на незначительный размер доли, осуществление права собственности будет затруднено. Например, для продажи квартиры и улучшения жилищных условий женщина должна получить согласие всех собственников, а это, как показывает сложившаяся практика применения норм о долевой собственности, затруднительно [7, с. 39–43].

В качестве проблем социального толка также обращается внимание на развитие институтов материнства и отцовства. Отмечается, что сформировавшиеся в научной юридической литературе позиции и отраженный в процессе законодательного регулирования подход (узко-биологический) к пониманию отцовства не раскрывают всей совокупности правовых отношений, складывающихся в этой связи, и препятствуют их комплексному развитию. По мнению П. А. Дервянко, корректировке данной ситуации будет способствовать конституционно-правовая институционализация отцовства в ее доктринальном и формальном смыслах [6, с. 29].

Представленный перечень правозащитных рисков, связанных с социальной сферой не является исчерпывающим, но, на наш взгляд, внятно подтверждает реальное наличие таковых и обуславливает необходимые действия со стороны публичных структур с целью положительной коррекции данного сектора.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; 2009. – 21 янв.
2. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 16.11.2011 г.) // Российская газета. – 2006. – 31 дек.; 2011. – 21 нояб.
3. Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (ред. от 01.04.2012 г.) // Российская газета. – 1992. – 31 июля; 2012. – 4 апр.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 2 февраля 2006 г. № 56-О «По жалобе гражданина Ляпунова Олега Иннокентьевича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 6, 44, 63 и 154 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>
5. Деревянко П. А. Конституционно-правовой институт отцовства в России: дисс. ... канд. юрид. наук / П. А. Деревянко. – Белгород, 2012.
6. Крылова В. П. Препятствия в получении средств материнского капитала / В. П. Крылова // Жилищное право. – 2011. – № 2.
7. Пуляева Е. В. Социальные выплаты в образовательной сфере: анализ правового обеспечения / Е. В. Пуляева // Журнал российского права. – 2011. – № 9.

Правове регулювання місцевого самоврядування

Архипова С. А.

Муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей Центр дополнительного образования детей «Родник»

города Воронежа, Российская Федерация

ПРОВЕДЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ НЕДЕЛИ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ

ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

(из опыта работы)

Происходящее в последнее время расширение масштабов человеческой деятельности, значительно повышает требования к воспитанию личности нового типа – личности неординарной, творчески мыслящей. Одной из приоритетных

задач Центра дополнительного образования детей является развитие одаренности и творческого потенциала личности, обеспечение условий для продуктивного развития и самореализации каждого занимающегося.

Данная статья посвящена презентации опыта проведения творческой недели художественно-эстетического направления в системе дополнительного образования детей, которая является одной из форм учебно-воспитательной деятельности, позволяющая развивать личностные особенности обучающихся.

Творческая Неделя проводилась в мае 2012 года с целью повышения профессиональной компетентности педагогов и развития познавательной и творческой активности обучающихся.

Основными задачами Недели являлись:

- популяризация деятельности детских объединений художественно-эстетического направления Центра,
- совершенствование профессионального мастерства педагогов через подготовку, организацию и проведение нетрадиционных занятий-мероприятий,
- вовлечение обучающихся в самостоятельную творческую деятельность, повышение их интереса к занятиям в объединениях,
- создание среды для творческого общения детских коллективов,
- обмен опытом и расширение творческих, дружеских, информационных контактов между коллективами, педагогами, родителями воспитанников.

В подготовительный период Недели методист и педагоги соединились в единую творческую группу. Были организованы оперативные совещания педагогов, консультирование, индивидуальная работа с каждым педагогом, изучалась методическая литература, разрабатывались планы-конспекты каждого занятия-мероприятия. Такой подход должен был вызвать инициативу, обеспечить большую ответственность и заинтересованность педагогов в подготовке и проведении Недели. Однако некоторые педагоги испытывали трудности при организации. Это был первый наш опыт.

В итоге для проведения Недели был составлен план мероприятий, организованы открытые нетрадиционные занятия, отчётный концерт детских

объединений, оформлена разнообразная наглядная информация (фотопрезентация объединений; фотогазета, приуроченная к 10-летию юбилею образцового детского хореографического коллектива; план мероприятий), приглашены коллеги и родители воспитанников.

Неделя получилась интересной, увлекательной. Все мероприятия были разнообразны по форме и содержанию.

Хореографическое состязание по современным танцам «Танцевальный марафон» было проведено между воспитанниками двух объединений. Педагоги подобрали для ребят конкурсные задания, которые позволили им продемонстрировать акробатическую подготовку, умение двигаться под музыку, импровизировать, самовыразиться через танец, почувствовать командный дух.

Для проведения занятия-концерта с элементами театрализации «Фольклор и не только» были привлечены педагоги-организаторы Центра. Атмосфера мероприятия, созданная педагогами и родителями, благотворно повлияла на юных исполнителей. Все выступали эмоционально и артистично.

На занятии-соревновании «Весёлые старты по хореографии» для воспитанников хореографических объединений дети показали гармоничное сочетание танцевального, музыкального, физического и интеллектуального развития. Соревнования завершились совместным танцевальным номером и чаепитием, организованным родителями.

Познавательное занятие «Танцы народов мира» было проведено с использованием видеоматериалов, компьютерных презентаций, подготовленных воспитанниками. Педагог стремилась обобщить знания детей в области народно-сценического хореографического искусства, научить разбираться в особенностях национального костюма и национальной музыке, в особенностях исполнения национальных танцев.

Большое значение для педагогов и детских коллективов Центра имеет отчётный концерт. Выступая на мероприятии, дети приобретают опыт, развивают навыки правильного исполнения хореографических, вокальных номеров, артистичность, демонстрируют творческие достижения. В рамках творческой

Недели был проведён «Праздник танца и песни». Все воспитанники выступили достойно. Концерт закончился торжественным финалом, общим построением коллективов на сцене. Директор вручила грамоты активным воспитанникам и родителям.

Опыт проведения творческой Недели художественно-эстетического направления позитивно воспринят педагогами, занимающимися, родителями и администрацией Центра.

Праздничная атмосфера, царившая в Центре во время подготовки и проведения Недели, сплотила всех участников. Воспитанники смогли раскрыться, реализовать свои творческие возможности и умение сотрудничать со сверстниками. Родители смогли увидеть уровень умений детей, ближе познакомиться с педагогами.

По итогам Недели был собран материал (фотопрезентации объединений, сценарии и фотоотчёт проведённых занятий, отзывы родителей) и оформлен в папку.

Соціально-історичні, цивілізаційні та соціально-психологічні передумови виходу людства на новий рівень культури

К. филос. н. Гимазетдинова А. Х.

*Казанский национальный исследовательский технический университет
имени А. Н. Туполева, Российская Федерация*

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

На сегодняшний день процесс экологизации сознания охватывает различные стороны духовной сферы общества. Под экологизацией сознания понимается процесс распространения экологической тематики и проблематики в сферах общественного и индивидуального сознания. Для анализа экологического сознания необходимо рассмотреть историю и условия его формирования

и функционирования, так как «понять характер отражения действительности экологическим сознанием можно, раскрыв объективную тенденцию взаимодействия общества и природы, условия жизни людей, порождающие именно такое отражение действительности» [7, с. 41].

При рассмотрении различных философских течений можно заметить, что на каждом историческом этапе развития у общества существовал свой особый способ взаимодействия с природой.

Отношения между человеком и природной средой начались с момента появления человека и его обособления от остального мира. Первобытному охотнику необходимы были знания о поведении животных, а с переходом к земледелию и животноводству значимость данных знаний существенно возросла. В Египте и Вавилоне за тысячи лет до нашей эры было развито сложное ирригационное земледелие. В «Рамаяне» и «Махабхарате» описывается взаимосвязь среды обитания, растений и животных, влияние внешних условий на духовные и физические качества человека. Первобытный человек не отделял себя от природы, он находился внутри нее, что выражалось, в частности, в перенесении человеческих черт, эмоций, желаний и стремлений на объекты природы. Данное явление отражено в мифах различных народов.

В античной натурфилософии мир понимается как единая система. Формируются представления о единстве духовного и физического, идентичности существа, речи и духа, т. е. окружающая среда и человек мыслятся в единстве. Под природой понимается Разум – основа чего-либо, какой-либо деятельности. В целом отношение к природе в древнем мире характеризовалось ее одухотворением и слиянием с человеком. Отличие античной философии от первобытных представлений выражено в том, что в античности господствует идея гармонии природы и человека, макрокосма и микрокосма, а в представлениях первобытных сообществ человек в природе полностью растворялся.

Христианское мировоззрение периода средних веков обосновывает божественное происхождение природы, но окружающей среде уже не уделяется такого большого внимания. Человек понимается как образ и подобие Бога.

Августин Блаженный сформулировал триаду «Бог–человек–природа». Природа – это только временное пристанище человека, она вторична и не является подлинной, в природных объектах интересует только степень их полезности для человека. Господствующее положение занимает дуалистическая концепция, которая противопоставила субъекта объекту, а человека – природе.

В эпоху Возрождения отношение к природе меняется, восстанавливается понятие единства человека и природы, основанное на единстве духовного и физического начала. Например, согласно Спинозе, человек, обладающий знанием, становится свободным, может противостоять внешним силам и получает возможность взаимодействовать с окружающей средой в соответствии с его собственной природой. В связи с развитием естественных наук и производительных сил добавляется установка на переустройство природы. Френсис Бэкон полагал, что познание законов природы необходимо, чтобы поставить их на службу человечеству [2].

В результате научной революции, появления механистической картины мира и классического рационализма развивается творческо-практический подход к природе. Научно-технический прогресс, рост народонаселения, увеличение использования природных ресурсов, урбанизация образа жизни и т. д. наносит природным процессам необратимый ущерб и имеет планетарный характер. Деятельность человеческого общества постепенно стала превращаться в один из главных и определяющих факторов развития биосферы, по определению В. И. Вернадского, – в геологическую силу планеты. «Будущее человеческой цивилизации все более ставится в зависимость от способности человека привести в соответствие характер и масштабы своей деятельности с возможностями биосферы как непосредственной оболочки всего живого воспроизводить естественные условия его собственной жизни. Необходимость сознательного регулирования взаимоотношений общества с природой и порождает потребность в особой форме отражения, потребность в экологическом знании» [6, с. 156], а в результате изменений окружающей среды, являющихся следствием «присвоения» человеком природы, нарушения экологического равновесия, происходит осознание этих изменений, т. е. возникает экологическое сознание [5].

В результате современного экологического кризиса с конца 70-х и начала 80-х годов происходит постепенная экологизация представлений о взаимоотношениях общество-природа, прослеживается тенденция от стихийного регулирования природопользования к сознательному. Возникает новый этап в развитии общественного и индивидуального сознания людей. Формирование экологического сознания обусловлено как повседневным жизненным опытом, выраженным в столкновении с явлениями негативного изменения непосредственного природного окружения, что является доступным непосредственному чувственному восприятию, так и научными и экспериментальными данными. Вследствие этого появляется повышенный интерес к экологическим проблемам уже целого общества, что дает возможность определить экологическое сознание как состояние общественного сознания, которое выражается в совокупности взглядов, представлений, идей о взаимодействии человека и природной среды [7].

Таким образом, человечество прошло путь от стихийного, неосознанного единства с природой, через отрицание и отказ от идеи целостного и взаимосвязанного окружающего мира до современного периода развития, когда возникает сознательное стремление достичь гармоничного взаимодействия с природно-духовным Универсумом. Процессы экологизации индивидуального и общественного сознания в современном обществе являются весьма важными, связанными и взаимодополняющими, но они не тождественны друг другу. Экологизация ведет к осознанию возможных последствий воздействия человека на природно-духовный Универсум, что позволяет свести к минимуму отрицательные результаты деятельности человека. Данная тенденция – насущная потребность нашего времени, и ее развитие призвано решить экологическую проблему как на региональном и локальном уровне, так и на глобальном.

Список использованных источников:

1. Алмаев Г. Н. Экологические аспекты религиозного сознания: дис. ... канд. филос. наук: спец. 09.00.11 «Социальная философия» / Г. Н. Алмаев. – Казань, 2000. – 171 с.
2. Антология мировой философии: Возрождение. – М., 2001. – 928 с.
3. Горелов А. А. Социальная экология / А. А. Горелов. – М., 1998. – 262 с.

4. Гимазетдинова А. Х. Экологическое сознание и экологический архетип: монография / А. Х. Гимазетдинова, Н. М. Солодухо. – Казань: КГТУ-КАИ, 2007. – 140 с.
5. Маркович Данило Ж. Социальная экология: монография / Данило Ж. Маркович. – М.: РУДН, 1997. – 436 с.
6. Овчинников Г. К. Структура общественного сознания в свете современного развития науки и техники / Г. К. Овчинников // Проблемы социального познания: сб. науч. тр. НГУ., 1981. – 1168 с.
7. Шишина Л. Ю. Мировоззренческая природа экологического сознания / Л. Ю. Шишина // Человек как философская проблема и мировоззрение: сб. науч. тр. – Владимир, 1982. – 142 с.

К. филос. н. Котов Ж. В.

*Приднепровская государственная академия строительства и архитектуры,
г. Днепрпетровск, Украина*

К ВОПРОСУ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА КАК РОДОВОГО СУЩЕСТВА

Осмысление данной проблемы важно как для более адекватного понимания всей сложности и ответственности современного этапа общественного развития, так и для осмысления предельных оснований индивидуального бытия лично-развитых индивидов.

Если мы обратим свой взор на те уровни организации жизни растительного и животного мира, над которыми мы возвышаемся как более разумные, как мыслящие существа, то мы увидим, что в обозримом нами мире все растительные и животные организмы как в индивидуальном, так и в видовом проявлении включены в единую систему жизнедеятельности биосферы и выполняют определенную только им присущую функцию. Можно ли полагать, что человек как представитель ноосферы, – этой важнейшей наряду с биосферой составляющей Вселенной, – не предназначен к выполнению определенных, заданных именно ему развитие Вселенной функций, что он являет собой пустоцвет?

Ученые физики установили, что в момент возникновения нашей Вселенной в исходные для ее развития и существования элементарные частицы

были заложены такие фундаментальные константы, которые создавали возможности для появления во Вселенной в процессе ее дальнейшего развития как жизни в целом, так и появления человека. Следовательно, та программа развития нашей Вселенной, которая была заложена в самый момент ее возникновения, предполагала появление мыслящего духа с целью выполнению каких-то важных и необходимых для самой Вселенной задач.

Эвальд Васильевич Ильенков в своей работе «Космология духа» предлагает к рассмотрению строго материалистически обоснованную гипотезу о том, что человечество как представитель мыслящего духа во Вселенной призвано со временем за миллионы лет развиться до такого состояния, чтобы стать значительной силой в освоении не только Солнечной системы, не только нашей галактики – Млечный путь, но и всей Вселенной. Для Вселенной это необходимо потому, что в момент, когда завершится цикл ее расширения и в результате эффекта «тепловой смерти Вселенной» будет исчерпан наличный потенциал ее существования и развития, человечество будет призвано ценой своего собственного существования запустить механизм очередного космического взрыва. «Мышление предстает в этом свете как не только самый высший и прекрасный цвет мироздания, но и как цвет небесплодный, как цвет, который своей смертью порождает абсолютно необходимый с точки зрения всеобщего круговорота плод, результат. Смерть мыслящего духа становится подлинно творческим актом – актом, который превращает обледеневающие пустыни межмировых пространств, погруженные во мрак во вращающиеся массы раскаленных, светлых, теплых солнечных миров – систем, которые становятся колыбелями новой жизни, нового расцвета мыслящего духа, бессмертного, как сама материя...» [1, с. 435].

И в таком подходе нет ничего «бесчеловечного», ибо ничто в этом мире не может существовать вечно, а потому крайне важно, чтобы и отдельный человек и все человечество в целом были ориентированы на выполнение тех функций, ради которых они присланы в этот мир. Не столь страшно само уничтожение, сама смерть как уход из жизни тех, кто зря прожил жизнь, не реализовал своего предназначения, не состоялся.

В качестве предварительного условия для решения основной задачи предназначения человеческого рода – спасения Вселенной на современном начальном этапе развития человека он должен совершить переход от предыстории человеческого рода к подлинной истории согласно тому теоретическому осмыслению, которое было в свое время предложено К. Марксом. «Для нас, для людей, живущих на заре человеческого расцвета, борьба за это будущее» – за установление на Земле подлинно человеческой системы условий деятельности – бесклассового общества, при котором «пышно расцветет духовная и материальная культура, с помощью которой и на основе которой человечество только и сможет исполнить свой великий жертвенный долг перед природой», «остается единственно реальной формой служения высшим целям мыслящего духа» [1, с. 436].

Если обыватель «упирается взглядом в свое корыто», то гениальный мыслитель, каким я и вижу Эвальда Ильенкова, «землю всю окидывая взглядом, видел то, что временем закрыто». Но с какими трагически-космическими событиями в личной жизни Э. Ильенкова могли быть связаны размышления над предназначением мыслящего духа, представленном как в отдельном индивидуе, так и в человеке как родовом существе? Полагаю, что именно участие с 19 лет в Великой Отечественной Войне в качестве командира орудийного расчета с 1943 г. по 1945 г. поставило перед молодым мыслителем, переживавшим по поводу того факта, что в топку войны каждый день бросались тысячи и тысячи жизней, вопрос о том, чем задана как в настоящем, так и в будущем такая ситуация для человечества, какой в этом и личностный, и общечеловеческий, и космический смысл. Возможно, что именно в процессе осмысления данной ситуации в грохоте трагедии войны для Э. Ильенкова звучали строки гётевского подхода к данной проблеме:

«Жизнь прожита не даром
Известен вывод мудрости людской
Лишь тот достоин жизни и свободы
Кто каждый день за них идет на бой».

Список использованных источников:

1. Ильенков Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

К. ист. н. Заневский С. В.

ГУО «Средняя школа № 32 г. Гродно», Республика Беларусь

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Язык и стиль речи имеют немаловажное значение в любом историческом исследовании. Именно с его помощью передаётся основная идея работы, мысль её автора. Уже сложились определённые традиции письменной речи. Однако не следует полагать, что существует свод «писанных правил» научной речи. Можно говорить лишь о некоторых особенностях научного языка, закреплённых традицией.

Проблема языка историка волновала специалистов не одно поколение. Как правило, её связывают с вопросом о соотношении исторического и художественного, истории и искусства. Одни авторы говорят об истории как о разновидности искусства, другие – лишь об её определённой близости с литературой. С одной стороны это означает, что в трудах исследователей должны преобладать аналитические рассуждения, научные объяснения общих закономерностей. С другой стороны, не следует забывать и об индивидуальных особенностях эпохи, «его величество случае», который нередко вмешивается в, казалось, закономерное развитие событий и меняет весь его ход. Это особенно чётко передаёт яркость и чёткость стиля, образность формулировок. За сухим стилем невозможно передать всю сложность и многогранность описываемого предмета исследования. Как подмечает А. Н. Нечухрин: «Рядовой читатель скорее простит недостатки научной доказательности, чем отсутствие литературного обаяния. Неслучайно большинство великих работ обладает литературной ценностью» [3, с. 233]. Именно поэтому всякий должен стремиться к постоянному совершенству своей исследовательской культуры. Часто случается, что за косноязычием и неспособностью правильно высказать свою мысль

скрываются действительно высокие знания и аналитические способности. Однако не стоит оснащать научную работу литературно-художественными терминами и изысками. Поскольку в таком случае неумолимо теряется научно-исследовательское качество работы. За яркими эпитетами и сравнениями теряется основная мысль. Увлекаясь художественным стилем, исследователь нередко перестаёт следовать заранее намеченному плану. К тому же читатель с недоверием относится в таком случае ко всем сообщаемым в работе сведениям, воспринимая её скорее как исторический роман, нежели серьёзное научное исследование.

Сегодня достаточно много в историческом направлении книжной продукции популярного жанра. Свою задачу привлечения широкого внимания к основным событиям и проблемам прошлого они выполняют полностью, однако не могут быть основой для серьёзных и вдумчивых научно-исследовательских работ. В условиях большого числа исследований самого разного уровня и глубины изученности проблемы и формы возрастает роль научного руководителя как советчика той либо иной литературы, на которую должен опираться учащийся при работе над собственным исследованием. Наставник направляет своего подопечного, предлагает те либо иные источники информации, на которые тот должен ориентироваться на определённом этапе работы над материалом.

Таким образом, проблема научности и литературного в историческом исследовании заключается не в том, в каком из двух данных стилей должна быть представлена творческая работа учащегося, а в уровне их соотношения. Как отметил английский методолог Ю. С. Рениер, исследователь сам должен для себя решить, насколько «искусство написания должно помогать историку при исполнении им его высшего долга – повествования истории» [5, с. 244–245].

В идеале историческая работа представляет собой рассказ, основанный на фактах и подкреплённый научным объяснением. Именно на той стадии научного исследования, когда исследователь сообщает о достигнутых результатах, история сближается с искусством. И если в естественных науках написание

проделанной исследовательской работы представляет собой лишь формальный акт, простая констатация полученных результатов, то в истории дело обстоит несколько сложнее. Понятно, что об одном и том же событии можно рассказать по-разному, представить свершившийся факт с диаметральных позиций и точек зрения в зависимости от отношения к нему исследователя. Дело не ограничивается здесь простыми ссылками на источники, поскольку значительный интерес представляет мнение самого автора – именно оно придаёт значимость любой исследовательской работе. Важно иметь в виду, что литературно-художественный элемент в исследовании заключается не в содержании самого творчества, не в использовании соответствующих методов постижения реальности, но в стремлении к выразительности, использовании определённых приёмов отображения материала. По выражению А. В. Гулыга: «постижение истории предполагает сопереживание и эстетическое отношение к прошлому» [1, с. 43–44].

Характерной особенностью языка письменной научной речи является формально-логический способ изложения материала – научное изложение состоит главным образом из рассуждений, целью которых является доказательство выявленных в результате исследования истин. При этом существует ряд лексических и синтаксических особенностей научного текста:

1. Слова должны употребляться в их прямом значении. С этим связано требование *точности* – одного из главных условий, обеспечивающих научную и практическую ценность исследовательской работы [2, с. 131–132]. Нередки случаи, когда одно неправильно выбранное слово существенно искажает смысл написанного, даёт возможность двойственно толковать ту либо иную фразу. В этой связи необходимо правильно подходить, например, к цитированию источников, поскольку их неправильное толкование, либо произвольное извлечение может привести к искажению их общего смысла. Смысловая точность (однозначность) достигается тщательным подбором слов: использованием слов в их прямом значении, широким употреблением терминов и специальной лексики, повторением ключевых слов [4, с. 45].

2. Для соблюдения точной научной речи представляется важным и правильный выбор грамматических конструкций, представляющий собой строгое следование нормам связи слов во фразе. Поскольку возможность по-разному толковать мысль, высказанную в работе, неизбежно порождает двусмысленность. Отсюда вытекает второе необходимое качество научной речи – её **ясность**. Ясность – это умение писать доступно. Иногда нарушение ясности изложения вызвано стремлением отдельных авторов придать своему исследованию видимость научности не столько содержанием своей работы, сколько частым употреблением сложных научных терминов вместо простых, хорошо всем известных [2, с. 133]. Причиной неясности названия может стать также неправильный порядок слов. Например: «В эпоху промышленной революции четыре подобные машины обслуживали несколько тысяч человек». Неясно, кто (или что) является субъектом действия – машины или люди, которые их обслуживают. Нередко доступность называют простотой. Простота изложения способствует тому, что текст работы читается легко, т. е. мысли авторов воспринимаются без затруднений. Однако нельзя отождествлять простоту и примитивность.

3. При правильном конструировании предложения в научно-исследовательской работе **информационная роль слова** усиливается к его концу: в начале предложения – вспомогательная информация, в конце – главная, причём основная информация располагается после сказуемого.

4. Особенностью научного текста является также **отсутствие образных средств** (эпитетов, метафор, поэтических символов, художественных сравнений, гипербол и т. п.) **и эмоциональной окрашенности** текста (выражение личных чувств не следует путать с аргументированным мнением историка касательно предмета исследования). Всё же в историческом исследовании метафоры не только доступны, но и играют особую роль, поскольку представляют определённую эпоху либо событие в образе. «Смутное время Московского государства» (Н. И. Костомаров), «Рождение новой России» (В. В. Мавродин), «Закат Европы» (О. Шпенглер). Подобные метафоры направлены при этом не столько на объяснение, сколько на понимание истории [3, с. 234].

Образы способствуют идеализации, либо напротив компрометации отдельных исторических событий и целых эпох. Очевидны ассоциации, связанные с метафорами: «золотой век», «вавилонское столпотворение», «ночь длинных ножей» и т. п. Поскольку всякая исследовательская работа носит сугубо деловой и конкретный характер, она фактически исключает эмоциональность. Прагматическая установка как основной признак научного языка способствует тому, что эмоциональные языковые элементы в научных работах не играют особой роли [2, с. 125].

5. Стиль письменной научной речи – это *безличный монолог*. Непринято использовать местоимение «я» и глагола первого лица единственного числа. Поэтому изложение обычно ведётся от третьего лица. Сейчас стало неписанным правилом, когда автор работы выступает во множественном числе и вместо «я» употребляет «мы» (подразумевая «я и мой научный руководитель»). Таким образом, исследователь отражает своё мнение в качестве мнения определённой группы людей, творческого коллектива или целой организации. Помимо местоимения «мы» в оборот вводится целый ряд производных от него, например: «по нашему мнению» и т. п. Допустимо также изложение текста от третьего числа («автор полагает»). Однако следует учитывать, что выбранный вариант изложения текста используется на протяжении всей работы. Постоянное апеллирование одним из избранных местоимений, понятно, производит малоприятное впечатление. Поэтому авторы исследовательских работ стараются прибегнуть и к иным конструкциям. Чаще всего используют неопределённо личные предложения («считают, что...», «производят...»), определённо-личные («рассмотрим проблему...»). Употребляется также форма изложения со страдательным залогом («разработан комплексный подход к исследованию...») [2, с. 130–131; 4, с. 45]. Такой залог устраняет необходимость в фиксации субъекта действия.

Список использованных источников:

1. Гулыга А. В. Эстетика истории / А. В. Гулыга. – М., 1974. – 127 с.
2. Кузнецов И. Н. Подготовка и оформление рефератов, курсовых и дипломных работ / И. Н. Кузнецов. – Мн: Сэр-Вит, 2000. – 256 с.

3. Методологические проблемы истории. – Мн: ТетраСистемс, 2006. – 352 с.
4. Яшина Л. А. Основы научных исследований / Л. А. Яшина. – Сыктывкар, 2007. – 71 с.
5. Renier Y. S. History. Its Purpose and Method / Y. S. Renier. – London: Allen & Unwin, 1950. – 272 p.

К. филос. н. Янушевич И. А., Волкотруб Ю.

Одесский национальный политехнический университет, Украина

ТЕОРЕТИКО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Современное переводоведение, ориентируясь в своей основе на лингвистические нормы перевода, не внесло ясности в выявлении характера «шагов» по осуществлению самого процесса перевода, и поэтому ничуть не сократило многочисленное количество жалоб, которые высказывают сами переводчики в связи с малой эффективностью, трудоёмкостью процесса перевода, отсутствием четких критериев в оценке его достоинств и недостатков. Эти недостатки становятся теперь особенно очевидными, поскольку современный научно-технический прогресс ставит новые вопросы, связанные с созданием искусственного интеллекта, необходимостью получения и сохранения информации (в том числе в виде переводов с иностранных языков), с общей тенденцией к глобализации культурной жизни.

Все это указывает на необходимость включения в общее переводоведение какой-то части, которая была бы организована на рациональных началах – как общезначимая научная дисциплина, а не только как искусство. Ясно, что разработка этого аспекта переводоведения невозможна без проработки его методологических оснований, и вопрос состоит в том, чтобы найти адекватные данной задаче методологические средства.

Основные вопросы переводоведения так или иначе связаны с оценкой адекватности и качества перевода. Для решения этих вопросов приходится, с одной стороны, сравнивать тексты перевода и оригинала как две системы по их системным характеристикам, а, во-вторых, рассматривать текст перевода

в системе культурных коммуникаций, в которую он по необходимости включается. Это обусловило обращение автора к системному подходу. При этом была необходимость выбора из различных концепций системного подхода и поиска среди них концепции, адекватной решаемым задачам. Таковым является системный подход, положенный в основу параметрической общей теории систем. Данная теория ориентирована не на количественный анализ, а на качественный. Именно в этой теории вводится понятие целостности в роли важнейшей системной характеристики и предложен способ оценки ее степеней, а также вводится само понятие адекватности как одного из системных параметров. Эта теория предлагает не идеографические средства, а использует в своём арсенале логический вывод и номологические объяснения. Это дает надежду на повышение объективности и строгости оценки работы переводчика в результате интерпретации им текста оригинала.

Прежде всего, системный подход позволяет переводчику (или аналитику качества перевода) идентифицировать ситуацию перевода. В крайних вариантах системное представление ситуации перевода будет разным – в зависимости от того, какой крайний (или смешанный) концепт выбирает переводчик. Либо он, обращаясь к переводу, решает свою собственную задачу, продиктованную жизненными обстоятельствами, культурной средой, которой адресован перевод, и тогда текст оригинала рассматривается им как средство для решения этой задачи (например, дайджесты, адаптированные переводы и т. п.), либо он стремится представить читателю текст оригинала в качестве представителя той культурной среды, в которой этот оригинал был создан. В этих разных ситуациях требования к переводу не могут быть одинаковыми.

Данная теория позволяет также различать те ситуации перевода, которые могут быть названы, соответственно тому, как различают виды понимания, «интернальным» и «экстернальным» переводом. Если текст интересен сам по себе, безотносительно к его культурному контексту, как это часто бывает с переводами научных текстов, большинства учебников и т. п., то этот перевод преимущественно интернален, но доброкачественные переводы художественной литературы требуют обращения к культурному контексту оригинала,

к замыслам автора, анализу подтекста и т. п. (экстернальный вариант). Машинный перевод любых текстов пока ограничивается почти исключительно первым случаем. Разбор ситуаций перевода позволяет переводчику сформулировать презумпции для каждого данного случая.

Приступая к анализу перевода, необходимо иметь в виду, что перевод может быть понят как система в самых разных смыслах и с разными структурами, и это каждый раз надо определять переводчику, чтобы не было двусмысленностей. Построение произведения, стилистика, стихотворный размер, сюжет, фабула и т. д. – все это структуры, но разных систем. Эти системы не должны смешиваться при анализе. С системной точки зрения ситуации перевода, в зависимости от цели переводчика и от этапа перевода, могут быть классифицированы и по системным дескрипторам первого порядка – концептуальные (типичный пример – авторизированный перевод), структурные (научные тексты, преобладающее стремление передать в ином языке стихотворный размер), субстратные (подстрочный перевод). Аналогично классификация проводится по дескрипторам второго порядка: концептуально-структурные, структурно-концептуальные и т. п. переводы. Выяснено, что перевод стихотворных произведений, апеллирующих, как правило, уже к заранее заданной структуре, можно отнести к ситуации перевода структурно-концептуального типа, в то время как перевод большинства прозаических произведений – к концептуально-структурной ситуации.

Системные классификации ситуаций перевода значимы при оценке его качества. Уже в первом приближении проводится либо сравнение перевода и оригинала, представленных как системы, по концептам, структурам и субстратам (это делается чаще всего), либо перевода и – культурного контекста, в который этот перевод помещается, по тем же системным дескрипторам – в случае экстернальной ситуации перевода. Если концепты оригинала и перевода не совпадают ни полностью, ни хотя бы частично (нерелевантный перевод), то сравнение становится невозможным, «перевод», в лучшем случае, должен рассматриваться как самостоятельное произведение.

Проблема оценки качества перевода не может быть решена не только вне отнесения его к конкретной ситуации перевода, но и без проработки соответствующих понятий, в которых эта оценка производится. С помощью обращения к реляционным системным параметрам можно развести понятия «релевантный перевод», «адекватный перевод» и «эквивалентный перевод». Релевантный перевод должен совпадать по своему концепту с замыслом оригинала или концептом той культурной среды, которой перевод адресован. Адекватным переводом можно предложить считать такой релевантный перевод, который отличен от оригинала (или той системы коммуникаций, в которой он выступает как подсистема) по своему субстрату – не только по языку, но, возможно, и по иным выразительным средствам. Так, если переводчик переводит идиомы иными идиомами, более понятными читателю, такой перевод адекватен. Эквивалентным же переводом может быть назван такой адекватный перевод, который совпадает со сравниваемой системой еще и по структуре (случай системной изоструктурности): перевод стихотворения иным стихотворным размером может оказаться адекватным, но не эквивалентным.

Адекватность, релевантность, изоструктурность являются точечными реляционными параметрами. Но к оценке качества перевода могут быть привлечены и атрибутивные системные параметры, в том числе линейного характера, такие, как целостность, сложность и др. В частности, при интернальной ситуации перевода степень целостности и сложности перевода и оригинала должны соответствовать друг другу, хотя при экстернальной оценке они не обязательно совпадут. Совершенно очевидно, что к оценке качества перевода могут привлекаться и другие атрибутивные системные параметры, такие, как завершённость, полнота, стабильность, стационарность, элементарность и др., которые позволяют осуществлять безэталонное (качественное) измерение, предполагаемое параметрической теорией систем.

Таким образом, полученные выводы позволяют утверждать, что в общем переводоведении имеется аспект, допускающий создание рационально выраженной и общезначимой концепции, соответствующей стандартам научных

теорий. На данном этапе эволюции переводоведения такая концепция, по-видимому, могла бы быть системологической. Практическое значение такой концепции заключается в повышении эффективности переводческой работы, она, с большой вероятностью, может быть использована при создании и оценке программ машинного перевода, и в целом, в улучшении взаимопонимания между разноязычными культурами.

Список использованных источников:

1. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уёмов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
2. Уёмов А. И. Общая теория систем для гуманитариев / А. И. Уёмов, И. А. Сараева, А. Ю. Цофнас. – Wydawnictwo Universitas Redeviva, 2001. – 276 с.
3. Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания / А. Ю. Цофнас. – О.: Астропринт, 1999. – 307 с.

Інші аспекти суспільних наук

К. филос. н. Саєтґалиєва Ф. Ф.

Казанский государственный аграрный университет,

Республика Татарстан, Российская Федерация

ЗАДАЧИ ПРЕОДОЛЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА И СТАЛИНИЗМА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Спор о сталинизме продолжается на протяжении многих десятилетий, то затухая, то обостряясь, в зависимости от политической ситуации в стране. В этом году в связи с 60-й годовщиной со дня смерти Сталина роль вождя народов в истории России вновь стала самой обсуждаемой темой в российском обществе.

По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в феврале 2013 года, 36% граждан России относятся к Сталину с восхищением, уважением или с симпатией (12 лет назад – 38%). Безразлично к вождю народов относятся 30%

респондентов (12 лет назад – 13%). С неприязнью, страхом и отвращением – 25% граждан (12 лет назад – 44%). Другими словами, число «сторонников» Сталина остается прежним, а некоторые из его прежних «противников» переходят в разряд равнодушных [1]. Таким образом, и спустя 60 лет после смерти вождя народов спор о сталинском наследии продолжается.

Но было бы исторически несправедливо все трагедии России XX века ставить в вину нескольким личностям. И Ленин, и Сталин – лишь идеологи и символы большевизма. Суть большевизма, как и другой тоталитарной идеологии XX века – фашизма, – в отрицании морали, следование принципу «цель оправдывает средства», в отрицании ценности отдельной человеческой жизни, оправдании насилия в настоящем ради построения идеального общества в будущем.

Главный вопрос, на который отвечают респонденты, в конечном счете, в том, согласны ли они с большевистским принципом «цель оправдывает средства», иначе говоря, оправдывают ли они массовые репрессии миллионов своих сограждан ради индустриализации, победы в войне.

Большевики нравственным считали лишь то, что соответствует интересам революции, пролетариата, коммунизма. Последовавшая после октябрьского переворота братоубийственная гражданская война озлобила народ, надломил его духовно и морально. Взаимная нетерпимость и ненависть была возведена большевиками в ранг государственной идеологии.

Большевистская человеконенавистническая идеология получила свое продолжение и реальное воплощение в сталинской репрессивной системе, основным содержанием которой стал массовый террор как универсальное средство решения любых политических и социальных задач. Массовые репрессии 30-х годов, охватившие все регионы и все без исключения слои общества, атмосфера всеобщего страха и лжи (до сих пор окончательно не преодоленная), отразились на нравственном состоянии народа. Величайшая трагедия нашего народа состоит в том, что в советском терроре трудно провести грань между палачами и жертвами. Именно в этом факте следует искать корни разобщенности, взаимной неприязни, отчужденности нашего народа.

Позиция нынешней власти в отношении сталинизма и репрессий двусмысленная и неоднозначная: с одной стороны, руководство страны демонстрирует готовность посещать мемориалы жертв репрессий, с другой стороны, в духе укрепления авторитарных тенденций, Сталин преподносится как «эффективный менеджер», а период его правления – как время укрепления и возрождения страны. Более того, нынешний политический режим прямо или косвенно рассматривает себя в качестве наследника большевистского и сталинского времени. Сегодняшняя власть пытается консолидировать общество, а в качестве «духовных скрепов» использует героические страницы нашего прошлого, и прежде всего, Победу в Великой Отечественной войне. Этот процесс, несомненно, заслуживает всяческого одобрения. Но консолидация российского общества может быть достигнута и путем формирования у него устойчивого чувства неприятия идей большевизма и сталинизма. А для этого необходимо дать однозначную оценку сталинскому времени, развеять многие мифы и легенды, связанные с ним. Должен быть изобличен большевистский принцип «цель оправдывает средства», и доказано, что сотворенное и спровоцированное Сталиным зло никак не может быть оправдано другими его решениями.

Как известно, в нашей стране нет ни одной семьи, которая не пострадала бы от репрессий, насильственного переселения, коллективизации, голода. Именно эти трагические воспоминания должны стать основой сближения нашего народа. Причем к трагическим страницам нашей недавней истории следует обращаться вновь и вновь, используя различные методы, формы, приемы, так как чувство гражданской ответственности, чувство собственного достоинства не передаются по наследству – у каждого поколения формировать их надо заново. Новым поколениям нужно знать правду о печальных фактах нашей недавней истории не только для того, чтобы впредь не допустить их повторения, но и для того, чтобы «прошлое и настоящее получило верную оценку в свете добра и зла, любви и ненависти, жизни и смерти» [2].

Четкая юридическая оценка политического террора советского периода со стороны нынешних властей необходима, но недостаточна. Совершенно очевидно, что 36% россиян, выразивших симпатию Сталину, вряд ли мечтают

о возрождении ГУЛАГа, – их любовь к Сталину – это, скорее, протест против сегодняшней коррумпированной власти, а Сталин для них – олицетворение порядка, справедливости, – того, чего не хватает нынешнему руководству страны. От нынешней власти народ ждет экономического роста, справедливого распределения, искоренения коррупции, уважения прав и свобод личности, но отнюдь не возвращения принципов сталинской практики.

Список использованных источников:

1. Для россиян более характерно позитивное отношение к Сталину: опрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news.mail.ru/society/12222911/>
2. Пугачев О. С. Великие репрессии советской эпохи: война против народа от имени народа / О. С. Пугачев // Расстрелянная мысль. Идеи и судьбы инакомыслящей России в годы репрессий XX века: сб. мат. Всероссийской науч.-практ. конф. / Пензенская ГСХА. – Пенза: РИО ПГСХА, 2013. – С. 133.

К. филол. н. Стрекалёва Т. В., Ткачук А. Н.

Сибирский государственный аэрокосмический университет

имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ АНГЛИИ

В ПЕРИОД XI–XII вв. НОРМАНДСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Нормандское завоевание Англии оказало существенное влияние на такие институты феодальной Англии, как земельные отношения, государственное управление, армия, церковь, правовые отношения. После вторжения на острова нормандцев под предводительством Вильгельма Завоевателя произошли существенные изменения во всей институциональной системе государства. Это, прежде всего, усиление централизованной власти. С появлением новых институтов или их усовершенствованием связаны изменения и в социальной системе английского общества (исчезновение рабов и закрепощение свободных крестьян) [3]. Вильгельм I начал свою политику с переписи всех земель и других ресурсов с целью повышения доходности, что нашло свое отражение в «Книге Страшного суда» [4]. После 1066 г. многие земли были конфискованы

у английской знати и переданы нормандским баронам. Средние и мелкие землевладельцы, следуя континентальной традиции, стали рыцарями.

Институт земельных отношений занимал центральное положение в английской экономике 11 века. Политическая и экономическая власть осуществлялась посредством феодальных поместий в деревне и гильдии в городе. Основной экономической единицей являлся манор, представляющий собой сложное предприятие. Главная цель манора – самообеспечение.

Главным принципом управления государством являлся принцип преемственности (Вильгельм I стремился выглядеть преемником короля Эдуарда Исповедника). Этот факт нашел свое отражение в сохранении конституционной основы государства, характерных черт англосаксонской монархии (Большой королевский совет, сохранены графства). Однако власть опиралась на военную силу. После 1066 г. начался передел земель в пользу нормандцев, что привело к уничтожению англосаксонской знати, на смену которого пришло нормандское рыцарство.

Главный принцип управления экономикой страны выразился в характере предоставления земли баронам при том условии, что они должны выставить по требованию короля отряд рыцарей. Вторжение нормандцев явилось причиной возникновения института баронства и рыцарства как правящего класса. Вся страна покрылась сетью замков баронов или принадлежавших королю, и служивших военными базами. Границы страны стали хорошо охраняться. Укреплению власти короля служило распределение манора каждого барона по всей стране.

Среди новых институтов был институт рыцарства. Рыцари представляли собой социальный класс, любой мужчина мог стать рыцарем, приняв крещение.

Английская церковь возглавлялась нормандскими священнослужителями, однако учитывались интересы англосаксонцев. Аббатства стали крупными предпринимателями, землю они получали от короля, и после смерти настоятеля опять земля переходила к королю до назначения нового главы. Аббатства оплачивали рыцарскую службу на благо короля. Монастыри преуспели в производстве продукции и торговли.

Генрих I был эффективным управленцем, выстроив систему контроля, и способствуя укреплению централизованной власти. Он стремился к систематизации и стандартизации, в частности, в денежной политике. Во времена его правления были усовершенствованы фискальные и судебные институты (центральное казначейство, разъездные суды).

Король издал строгие правила, ограничившие практику реквизиций и установившие твердые цены на местные потребительские товары [6, с. 225], прекратил с 1113 г. все переделы баронских владений, которые шли непрерывной чередой с момента завоевания Англии.

Все эти явления в институциональной сфере нашли свое отражение в культуре страны. Это, прежде всего письменная регистрация ресурсов страны, увеличение роли денег, понимание мира, основанного на законах естествознания, а не на сверхъестественных принципах. Англосаксонская культура внесла понимание ценности индивидуальной жизни, в отличие от нормандской феодальной культуры аристократии. Со смертью Генриха I в Англии закончилась нормандская династия и на троне воцарилась французская.

Генрих II был приверженцем централизаторской концепции устройства английского государства [1]. Чтобы удержать престол, Генрих II отнял у феодалов замки, многие шерифы были отстранены от должности. Новый король Англии старался увеличить сбор податей, ограничить судебную административную власть крупных землевладельцев. Эти меры были направлены на ослабление власти феодалов. Претерпел изменения и институт права – наблюдалось распространение общих правовых норм. Общее право сложилось на базе англосаксонских правовых традициях, норм нормандского ленного права.

Институт церкви тоже претерпел определенные изменения – была ограничена прерогатива церковных судов, усилилась зависимость церкви от государственной власти. В налоговой сфере королю пришлось увеличить налоги, средства от которых шли на содержание государственного аппарата.

Особое внимание необходимо уделить военному аспекту жизни общества времен Вильгельма Завоевателя и его наследников. Вильгельм Завоеватель

и его вассалы были хорошими воинами, проводившими очень много времени в войнах или в приготовлениях к ним. Армейские силы состояли как из регулярных сил, так и из армии, созываемой по приказу и из многочисленного войска, набираемого для крупных операций [2]. Пришельцы из Нормандии принесли с собой, кроме французского языка, свою систему законов и порядков. Нормандцы были хорошими военными.

Церковная система носила нормандский иерархический характер. Епископы обладали монополией на принятие решений по церковным делам в судах и могли влиять на светских чиновников. Епископы вершили суд как над церковниками, так и над мирянами в супружеских делах. Нормандцы стремились реформировать такой общественный институт, как монастыри. В соответствии с нормандской традицией монастыри были зависимы от епископов и подчинялись герцогу. Новые аббаты стремились возродить принципы Устава св. Бенедикта. Вильгельм I проводил реформы в этой сфере самостоятельно, не обращаясь к Риму.

Нормандское завоевание оказало влияние на социальную сферу, государственное управление, внесло изменения в культурную жизнь англосаксонского общества. Приход Вильгельма I повлек за собой практически уничтожение англосаксонской военной знати и формирование на принципах ленно-вассальных отношений рыцарства, как нового господствующего класса феодалов. Феодализм в Англии периода XI–XII веков характеризуется наличием сформировавшихся социальных отношений, основанных на держании земельных участков, держатели которых были военнообязаны своему сюзерену.

В области государственного управления приход нормандцев к власти способствовал укреплению власти короля. Основанная на англосаксонских принципах управления, государственная система стала отличаться специализацией и формированием Казначейства, канцелярии, Палаты шахматной доски.

Список использованных источников:

1. Басовская Н. И. Столетняя война: леопард против лилии / Н. И. Басовская. – М.: Астрель, 2003. – С. 9.

2. Грин Дж. Р. Британия. История английского народа: в 2 т. / Дж. Р. Грин. – Мн.: МФЦП, 2007. – Т. 1. – С. 134.
3. Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI–XV вв.) / Е. В. Гутнова. – М.: Наука. – 1984. – С. 34.
4. Штокмар В. В. История Англии в Средние века / В. В. Штокмар. – СПб.: Алетейя. – 2005. – С. 47.

К. політ. н. Ярошко О. З.

Інститут соціальної та політичної психології НАПН України, м. Київ

ГЕНЕРАЛЬНА ПРОКУРАТУРА ЯК ПРЕДМЕТ ДОВІРИ УКРАЇНЦІВ

Довіра слугує лакмусовим папірцем ефективності функціонування владних та суспільних інститутів.

Мета цього дослідження – визначення особливостей феномену довіри громадян України до Генеральної прокуратури.

Для цього ставляться такі завдання: а) з'ясування стану і динаміки довіри українців до Генеральної прокуратури крізь призму балансового показника довіри – недовіри; б) диференціація довіри і недовіри громадян до Генеральної прокуратури на часткову і цілковиту задля з'ясування природи явища довіри; в) виокремлення регіональної специфіки довіри населення України до цього владного органу.

Для досягнення поставленої мети використовуватимемо відповідні результати моніторингових досліджень Інституту соціальної та політичної психології НАПН України, зокрема отримані завдяки проведенню всеукраїнських репрезентативних опитувань дорослого населення 3–10 травня 2005 року (вибіркова сукупність – 1217 осіб, похибка вибірки – 2,5%) [2, с. 4], 20–27 січня 2006 року (вибіркова сукупність – 2000 осіб, похибка вибірки – 2,4%) [4, с. 4], 21–25 травня 2007 року (вибіркова сукупність – 2000 осіб, похибка вибірки – 2,2%) [3, с. 4], 18–24 грудня 2009 року (вибіркова сукупність – 1997 осіб, похибка вибірки – 2,2%) [6, с. 4], 26–31 серпня 2010 року (вибіркова сукупність – 2003 осіб, похибка вибірки – 2,2%) [1, с. 4] та 27–31 серпня 2011 року (вибіркова сукупність – 2000 осіб, похибка вибірки – 2,2%) [7, с. 4]. Причому у моніторингових

дослідженнях Інституту 2005–2006 років застосовувалось збірне поняття «прокуратура» [2, с. 29; 4, с. 33], а з 2007 року і по нині – «Генеральна прокуратура» [1, с. 6; 3, с. 28; 6, с. 28; 7, с. 15].

Прокуратура в Україні – єдина централізована система органів державної влади, що здійснюють обвинувачувальну, представницьку, контрольню-наглядову та інші функції. Згідно із національним законодавством, систему органів прокуратури становить: Генеральна прокуратура України, прокуратури Автономної Республіки Крим, областей, міст Києва і Севастополя (на правах обласних), міські, районні, міжрайонні, районні у містах [5].

В українському суспільстві у досліджуваній період ні прокуратура в цілому, ні Генеральна прокуратура зокрема, не користуються довірою, а отже, спостерігається негативний баланс довіри – недовіри до системи прокуратури. Так, у 2004 році цей показник становив –47,0, у 2005 році –44,1, у 2007 році –35,4, у 2008 році –37,9, у 2009 році –42,6, у 2010 році –24,4 та у 2011 році –29,3 [7, с. 17]. Себто нині суспільство більше довіряє Генеральній прокуратурі, ніж всередині 2004 року, хоча на фоні покращення показника у 2010 році, у 2011 він дещо погіршився. Отже, судові справи проти опозиціонерів з травня 2010 року не сильно вдарили по довірі громадян до Генеральної прокуратури. Проте є певний зв'язок між довірою до Генеральної прокуратури і довірою до Президента в суспільстві: погіршення / покращення балансового показника довіри – недовіри до Президента відповідно має наслідком погіршення / покращення аналогічного індикатора Генеральної прокуратури. Наведемо балансові показники довіри – недовіри до Президента у 2004–2011 роки: у 2004 році –59,2, 2005 році +31,2, 2006 році –32,7, 2007 році –31,5, 2008 році –55,1, 2009 році –62,0, 2010 році –19,3 та у 2011 році –25,0 [7, с. 17]. У цьому немає нічого особливого, оскільки, згідно із українським законодавством, Генеральний прокурор призначається на посаду за згодою Верховної Ради та звільняється з посади Президентом України [5], тому це «людина Президента», отже, довіра до останнього впливає на довіру до Генеральної прокуратури.

У зазначений період незмінною залишилась природа довіри українців до Генеральної прокуратури: «обережна» довіра, себто переважання показника

часткової («скоріше довіряю») над цілковитою («цілком довіряю») довірою. У 2005 році ці показники становили 11,6% і 4,6%, відповідно [2, с. 29], у 2006 році – 16,9% і 3,3% [4, с. 33], у 2007 році – 13,9% і 2,0% [3, с. 28], у 2009 році – 16,5% і 2,1% [6, с. 28], у 2010 році – 18,7% і 4,3% [1, с. 6] та у 2011 році – 19,0% і 5,1% [7, с. 15]. Проте природа недовіри до Генеральної прокуратури не така вже й однозначна як довіри. Так, у 2005–2006 роках спостерігається тотожність часткової недовіри («скоріше не довіряю») і цілковитої («зовсім не довіряю»): 31,2% і 29,2% та 30,6% і 29,4% [2, с. 29; 4, с. 33], у 2007 році – домінування часткової над цілковитою: 32,1% проти 26,6% [3, с. 28], а з 2009 року – вже цілковитої над частковою: у 2009 році 34,7% проти 26,5% [6, с. 28], у 2010 році 25,1% проти 22,3% [1, с. 6] та у 2011 році 31,3% проти 22,1% [7, с. 15]. Тобто в останні роки суспільство, якщо і не довіряло Генеральній прокуратурі, то вже цілком.

Для визначення специфіки довіри українських регіонів до Генеральної прокуратури, для початку наведемо загальноукраїнські рейтинги довіри до цього державного органу: у 2005 році – 16,4% [2, с. 30], у 2006 році – 20,2% [4, с. 34], у 2007 році – 15,9% [3, с. 29], у 2009 році – 18,6% [6, с. 29], у 2010 році – 23,0% [1, с. 7] та у 2011 році – 24,1% [7, с. 16]. На тлі цих показників західний регіон у 2005 році продемонстрував дещо вищий рівень довіри до прокуратури (23,5%) [2, с. 37], далі – нижчі показники: 9,2% у 2006 році [4, с. 39] та 10,8% у 2007 році [3, с. 31], а у 2009 – 2010 роках – аналогічні із загальноукраїнськими – 20,3% [6, с. 32] та 21,7% [1, с. 10], проте вже у 2011 році нижчий рівень довіри до Генеральної прокуратури (20,0%) [7, с. 19]. Ставлення Центру до Генеральної прокуратури або ж аналогічне як по Україні в цілому, або ж гірше, але ніяк не краще, зокрема у 2005 році – 14,8% [2, с. 31], у 2006 році – 14,7% [4, с. 39], у 2007 році – 13,8% [3, с. 31], у 2009 році – 18,6% [6, с. 32], у 2010 році – 22,6% [1, с. 10] та у 2011 році – 16,8% [7, с. 19]. Перепади довіри спостерігаються на Півдні: у 2005–2006 роках цей регіон демонстрував нижчі показники довіри до цієї державної інституції: 12,8% та 16,7% [2, с. 37; 4, с. 39], проте вже в 2007 році – вищий рівень – 19,4% [3, с. 31], у 2009 році – аналогічний із загальноукраїнським – 16,9% [6, с. 32], вже

у 2010 році – вищий по Україні – 26,9% [1, с. 10], а у наступному – тотожний із загальноукраїнським – 25,8% [7, с. 19]. Схід, на відміну від Центру, схильний або ж аналогічно як і по вибірці в цілому, або ж більше довіряти Генеральній прокуратурі, зокрема у 2005 році – 20,8% [2, с. 37] та у 2006 році – 28,0% [4, с. 39], у 2007 році – 20,3% (вищий показник) [3, с. 31], у 2009 році – 16,9% [6, с. 32] та у 2010 році – 22,5% (тотожні із загальноукраїнськими) [1, с. 10] і у 2011 році – 33,1% (вищий по Україні) [7, с. 19]. Отже, довіра регіонів до Генеральної прокуратури політично забарвлена: у 2005 році на Заході вища довіра до влади в цілому, проте нижча у 2011 році, як і в Центрі, і навпаки, вища на Сході і Півдні, як і до Генеральної прокуратури в 2010–2011 роках.

Таким чином, українське суспільство не схильне довіряти системі прокуратури в цілому і Генеральній прокуратурі зокрема, на що впливає ступінь довіри до Президента, який і відповідає за кандидатуру Генерального прокурора. Проте нині українці більше довіряють Генеральній прокуратурі, ніж попередні «помаранчевої» революції. Ті ж українці, які довіряють Генеральній прокуратурі, роблять це обачливо, зрештою, також ж була і недовіра на початку періоду, а ось нині – вже цілковита. Регіональна довіра до Генеральної прокуратури значною мірою детермінована довірою до влади як такої і «своїх» в особі Президента.

Список використаних джерел:

1. Актуальні проблеми українського суспільства на старті нового політичного сезону: інформаційний бюлетень. Вересень '2010 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2010. – 58 с.
2. Моніторинг суспільно-політичної ситуації в Україні: інформаційний бюлетень. Червень '2005 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2005. – 72 с.
3. Політична криза – 2007 у вимірах суспільної свідомості: інформаційний бюлетень. Травень '2007 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2007. – 48 с.
4. Початок нового політичного року: оцінки громадян та їхні електоральні наміри: інформаційний бюлетень. Січень '2006 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2006. – 62 с.
5. Про прокуратуру. Закон України від 5 листопада 1991 року № 1789-ХІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1789-12>
6. Україна передвиборна: рейтинги кандидатів у президенти, рівень довіри громадян до органів державної влади та інших суспільних інститутів, соціальні настрої: інформаційний бюлетень. Грудень '2009 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2009. – 50 с.
7. Українська держава на рубежі третього десятиріччя незалежності: думки та оцінки громадян: інформаційний бюлетень. Вересень '2011 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2011. – 60 с.

К. політ. н. Ярошко О. З.

Інститут соціальної та політичної психології НАПН України, м. Київ

ДОВІРА УКРАЇНЦІВ ДО ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКУ ДЕРЖАВИ

Довіра є важливою категорією не лише міжособистісних відносин, а й запорукою та мірилом ефективності дій органів державної влади та їх посадових осіб. Згідно з чинним законодавством, центральний банк держави – Національний банк України – забезпечує стабільність грошової одиниці країни, а також визначає і проводить грошово-кредитну політику і сприяє додержанню стійких темпів економічного зростання [3; 7]. Тому від його результативності залежить сприйняття громадянами не лише грошово-кредитної політики, а й економічної та урядової в цілому.

Мета цього дослідження – визначення особливостей феномену довіри населення України до центрального банку держави. Для досягнення дослідницької мети, ставляться такі завдання: а) з'ясувати специфіку довіри українських громадян до Національного банку крізь призму балансового показника довіри – недовіри; б) виявити характерні риси суспільної довіри та недовіри до зазначеної владної інституції шляхом їх диференціації на часткову і цілковиту; в) розглянути рівні довіри жителів регіонів країни до зазначеного банку.

Задля виконання поставлених завдань на шляху досягнення дослідницької мети, використовуємо результати моніторингових досліджень Інституту соціальної та політичної психології НАПН України з проблематики довіри населення до владних та суспільних інституцій у період 2004–2011 років, а для виконання завдань б–в, дані всеукраїнських репрезентативних опитувань дорослого населення, отриманих методом інтерв'ювання 3–10 травня 2005 року (вибірка становить 1217 осіб, похибка репрезентативності – 2,5%) [4, с. 4], 20–27 січня 2006 року (вибірка – 2000 осіб, похибка – 2,4%) [6, с. 4], 21–25 травня 2007 року (вибірка – 2000 осіб, похибка – 2,2%) [5, с. 4], 18–24 грудня 2009 року (вибірка – 1997 осіб, похибка – 2,2%) [8, с. 4], 26–31 серпня 2010 року (вибірка – 2003 осіб, похибка – 2,2%) [1, с. 4] та 27–31 серпня 2011 року (вибірка – 2000 осіб, похибка – 2,2%) [9, с. 4].

З часу приходу до влади «помаранчевої» команди довіра до Національного банку стала зростати, що відобразилось на відповідному балансовому показнику довіри – недовіри: у травні 2004 року він становив $-21,5$, а через рік вже $-10,4$ та у жовтні наступного року $+0,9$, проте у вересні 2007 року погіршився до $-6,4$, а у листопаді 2008 року впав до рекордної позначки за аналізований період $-40,0$ і майже статистично не змінився у грудні 2009 року і становив $-38,6$ [9, с. 18]. Таке різке падіння рівня довіри громадян до центрального банку держави, відповідального за її грошово-кредитку політику, вочевидь, слід шукати не лише в розчаруванні у «помаранчевій революції» та її лідерах, а й у впливі світової економічної кризи, що у розвинутих країнах почалась ще в 2007 році, а Україну охопила восени 2008 року, а у січні наступного, на думку спеціалістів Центру економічного розвитку, досягла «дна», а вже у травні економіка держави почала демонструвати висхідний тренд [2, с. 6–7]. Проте в українському варіанті заходи щодо подолання фінансово-економічної кризи ускладнювались протистоянням між двома центрами – Національним банком, вплив на який мав Президент, та Кабінетом Міністрів. Як результат виходу із кризи, а то й зміни влади, у серпні 2010 року балансовий показник довіри – недовіри до Національного банку покращився вдвічі і становив $-18,5$, а через рік статистично достовірно не змінився ($-20,3$) [9, с. 18].

Визначаючи особливості довіри громадян до центрального банку держави в термінах часткової / цілковитої довіри / недовіри, відзначимо, що йому весь аналізований період українці довіряють з обережністю. Тобто має місце переваження показника часткової («скоріше довіряю») над цілковитою («цілком довіряю») довіри: у 2005 році $21,2\%$ проти $10,2\%$ [4, с. 29], у 2006 році – $26,5\%$ проти $4,7\%$ [6, с. 33], у 2007 році – $28,7\%$ проти $4,3\%$ [5, с. 28], у 2009 році – $17,5\%$ проти $2,3\%$ [8, с. 28], у 2010 році – $23,8\%$ проти $4,7\%$ [1, с. 6] та у 2011 році – $20,4\%$ проти $5,8\%$ [9, с. 15]. Зрештою, ті з громадян, які не довіряють Національному банку, переважно роблять це теж з обережністю, проте до фінансово-економічної кризи. Йдеться про переважання показника часткової

недовіри («скоріше не довіряю») над цілковитою («зовсім не довіряю»): у 2005 році 22,5% проти 19,3% [4, с. 29], у 2006 році – 22,6% проти 15,9% [6, с. 33], у 2007 році – 22,2% проти 17,1% [5, с. 28]. Проте вже у кризовий період ці два показники недовіри статистично тотожні, тобто не довіряє населення однаково як повною мірою, так і частковою, за винятком 2009 кризового року, де переважно не довіряли повністю: 34,0% проти 24,4% респондентів, що частково не довіряли [8, с. 28]. У 2010 році показники цілковитої і часткової недовіри до Національного банку становили 22,7% і 24,3%, відповідно [1, с. 6], а у 2011 році – 24,3% і 22,2% [9, с. 15]. Вочевидь, загальне покращення балансового показника пом'якшує недовіру у посткризовий період.

Західний регіон у контексті довіри до Національного банку не відзначається вищими показниками, ніж по Україні в цілому, а у 2006 році (16,2%) навіть дещо менше довіряє цій фінансовій інституції (показник по Україні – 31,2%) [6, с. 34, 39], як і в 2011 році – 23,9% (загальнонаціональний показник довіри – 26,2%) [9, с. 16, 19]. Однак, вочевидь, на тлі перемоги «помаранчевих» Галичина демонструвала дещо вищі показники довіри до Національного банку у 2005 (47,2%) (загальноукраїнський показник – 31,4%) [4, с. 36–37] та в 2006 роках (38,1%) [6, с. 39]. У 2005–2006 роках центральні області України більш довірливо ставилися до головного банку в державі: Північний Схід – 36,6%, власне Центр – 34,5% у 2005 році [4, с. 37] та Північний Схід – 34,9% у 2006 році [6, с. 39]. Проте з початком глобальної фінансово-економічної кризи та її перебігом довіра мешканців цього регіону до Національного банку зменшилась: 28,5% у 2007 році (загальнонаціональний показник – 33,0%) [5, с. 29, 32], 15,5% у 2009 році (загальнонаціональний показник – 19,8%) [8, с. 29, 32] та 20,7% у 2011 році [9, с. 19]. На Сході у 2006 році зафіксовано дещо вищий показник довіри до згаданої фінансової інституції – 40,4% [6, с. 39], хоча власне Донбас у перші роки «помаранчевих» менше їй довіряє: 22,0% у 2005 році [4, с. 37] та 25,5% у 2006 році [6, с. 39]. Проте в часи кризи і посткризовий період Схід найбільше довіряє Національному банку: 39,0% у 2007 році [5, с. 31], 23,9%

у 2009 році [8, с. 32], 32,9% у 2010 році [1, с. 10] та 33,1% у 2011 році [9, с. 19]. Як і на Донбасі, на Півдні у 2005–2006 роках дещо менше довіряли Національному банку: 23,9% у 2005 році [4, с. 37] та 25,9% у 2006 році [8, с. 32], а згодом, як і в цілому по Україні, за винятком 2010 року, коли цей регіон показав найнижчий індикатор довіри до вище згаданої інституції – 22,6% [1, с. 10].

Отже, довіра населення України до центрального банку значною мірою детермінується станом розвитку політичної системи в країні (протистоянням між Президентом і прем'єром), а також впливом на фінансово-економічну систему країни глобальної кризи, тому українці більшою мірою схильні не довіряти, аніж довіряти Національному банку, особливо у часи кризи. Загалом, довіра громадян до Національного банку носить критичний характер, немає сліпої віри в банківський сектор. Зрештою, недовіра така ж, хоча у пікові кризові періоди здебільшого мова йде про повну недовіру до Національного банку, а далі – однаково з обережністю, як і з повною зневірою. Захід, особливо Галичина, і Центр після приходу «помаранчевих» більше довіряли головному банку держави, проте згодом Захід – тотожно із загальноукраїнськими показниками, а Центр – найбільш недовірливо. Східний регіон нашої держави найбільш довірливо ставиться до цієї банківської інституції, навіть за кризових умов у фінансово-економічному секторі. Довіра Півдня аналогічна із загальноукраїнським рівнем, проте за часів «помаранчевих» – дещо нижча.

Список використаних джерел:

1. Актуальні проблеми українського суспільства на старті нового політичного сезону: інформаційний бюлетень. Вересень '2010 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2010. – 58 с.
2. Економічна криза в Україні: наслідки на ефективність антикризової політики: інформаційний бюлетень. Грудень '2009. – К., 2009. – 45 с.
3. Конституція України від 28 червня 1996 року № 254к/96-ВР [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/print1359142642805519>
4. Моніторинг суспільно-політичної ситуації в Україні: інформаційний бюлетень. Червень '2005 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2005. – 72 с.
5. Політична криза – 2007 у вимірах суспільної свідомості: інформаційний бюлетень. Травень '2007 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2007. – 48 с.
6. Початок нового політичного року: оцінки громадян та їхні електоральні наміри: інформаційний бюлетень. Січень '2006 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2006. – 62 с.

7. Про Національний банк. Закон України від 20 травня 1999 року № 679 – XIV [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.zakon4.rada.gov.ua/laws/show/679-14/print1359142642805519>
8. Україна передвиборна: рейтинги кандидатів у президенти, рівень довіри громадян до органів державної влади та інших суспільних інститутів, соціальні настрої: інформаційний бюлетень. Грудень '2009 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2009. – 50 с.
9. Українська держава на рубежі третього десятиріччя незалежності: думки та оцінки громадян: інформаційний бюлетень. Вересень '2011 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2011. – 60 с.

К. політ. н. Ярошко О. З.

Інститут соціальної та політичної психології НАПН України, м. Київ

МІСЦЕВА ВЛАДА: ДИЛЕМА ДОВІРИ – НЕДОВІРИ ПЕРЕД УКРАЇНЦЯМИ

Довіра є важливим елементом не лише міжлюдських стосунків, а й взаємин у діаді суспільство – влада, оскільки є мірилом ефективності дій останньої та їх суспільної акцептації.

Мета цього дослідження – визначення особливостей феномену довіри українців до органів місцевої влади.

Нагадаємо, виконавча влада у державі здійснюється системою центральних та місцевих органів. Згідно із чинним законодавством, до місцевих органів влади належать місцеві адміністрації в областях і районах, містах Києві і Севастополі, що відповідальні перед Президентом, як і перед Кабінетом Міністрів, підзвітні та підконтрольні йому [6]. Окрім цього, функціонують також органи місцевого самоврядування (територіальні громади сіл, селищ, міст як безпосередньо, так і через сільські, селищні, міські ради та їх виконавчі органи), що вирішують питання місцевого значення, державний контроль за діяльністю яких може здійснюватися лише в рамках чинного законодавства і не повинен призводити до втручання органів державної влади у здійснення наданих їм повноважень [5].

Для визначення особливостей довіри громадян України до місцевих органів влади використовуємо результати відповідних моніторингових досліджень

Інституту соціальної та політичної психології НАПН України за період 2004–2011 років, зокрема дані всеукраїнських репрезентативних опитувань дорослого населення, проведені 3–10 травня 2005 року (вибірка – 1217 осіб, похибка вибірки – 2,5%) [2, с. 4], 20–27 січня 2006 року (вибірка – 2000 осіб, похибка – 2,4%) [4, с. 4], 21–25 травня 2007 року (вибірка – 2000 осіб, похибка – 2,2%) [3, с. 4], 18–24 грудня 2009 року (вибірка – 1997 осіб, похибка – 2,2%) [7, с. 4], 26–31 серпня 2010 року (вибірка – 2003 осіб, похибка – 2,2%) [1, с. 4] та 27–31 серпня 2011 року (вибірка – 2000 осіб, похибка – 2,2%) [8, с. 4].

Весь досліджуваний період органи місцевої влади не користуються довірою громадян України, себто показник недовіри переважає аналогічний індикатор довіри і маємо негативний балансовий показник. Причому з 2007 року їм довіряють більше, аніж вищому органу у системі органів виконавчої влади в державі – Кабінету Міністрів, а до цього, навпаки, центральна влада користувалась більшою довірою, аніж місцева. Хоча у 2008–2009 роках в обох репрезентантів виконавчої влади погіршились балансові показники довіри – недовіри, а далі – покращились в обох, та в останній рік досліджуваного періоду – лише до місцевих органів влади. Так, балансові показники довіри – недовіри до Кабінету Міністрів та місцевих органів влади становили: у 2004 році –51,7 та –61,8, відповідно, у 2005 році +14,6 та –42,6, у 2006 році –28,6 та –37,3, у 2007 році –26,7 та –18,9, у 2008 році –42,5 та –28,5, у 2009 році –49,1 та –29,0, у 2010 році –29,9 та –25,5 та у 2011 році –37,7 та –11,5 [8, с. 17–18]. Зазначимо, для порівняння, якщо у 2004 році місцеві органи влади разом із міліцією (–62,6), Верховною Радою (–60,1) мали найбільший в суспільстві негативний баланс довіри, як в і 2005 році також із міліцією (–45,7), політичними партіями (–42,5) та Генеральною прокуратурою (–44,1), то вже в 2011 році, окрім позитивного балансу довіри – недовіри до вітчизняних ЗМІ, громадських організацій, Збройних Сил, системи освіти, церкви, Служби безпеки України та Ради національної безпеки та оборони були третіми серед суспільних та владних інститутів з найменшим негативним балансом довіри, поступаючись профспілкам (–7,7) та Центральній виборчій комісії (–9,8) [8, с. 17–18].

Українці, що схильні довіряти місцевим органам влади, роблять це переважно частково, себто спостерігається перевага часткової довіри («скоріше довіряю») над цілковитою («цілком довіряю»). Так, у 2005 році часткова довіра українців до місцевих органів влади становила 15,4% проти 5,4% цілковитої [2, с. 29], у 2006 році – 19,7% проти 3,1% [4, с. 33], у 2007 році – 22,5% проти 3,4% [3, с. 28], у 2009 році – 23,8% проти 4,0% [7, с. 28], у 2010 році – 26,1% проти 4,6% [1, с. 6] та у 2011 році – 30,3% проти 5,7% [8, с. 15]. Зрештою, не довіряють українці цим місцевим владним інституціям теж із застереженням: або ж переважає часткова недовіра («скоріше не довіряю»), або ж вона статистично тотожна цілковитій («зовсім не довіряю»). Так, у 2005 році ці показники (часткової і цілковитої недовіри) місцевих органів влади становили 32,3% і 30,2% [2, с. 29], у 2006 році – 35,0% і 25,0% [4, с. 33], у 2007 році – 31,8% і 25,8% [3, с. 28], у 2009 році – 27,8% і 29,0% [7, с. 28], у 2010 році – 32,0% і 24,2% [1, с. 6] та у 2011 році – 26,6% і 20,8% [8, с. 15].

На фоні загальноукраїнських рейтингів довіри місцевих органів влади у 2005 році – 19,9% [2, с. 30], у 2006 році – 22,8% [4, с. 34], у 2007 році – 25,9% [3, с. 29], у 2009 році – 27,8% [7, с. 29], у 2010 році – 30,7% [1, с. 7] та у 2011 році – 36,0% [8, с. 16], Захід демонструє вищі показники довіри до них у 2005 і 2006 роках – 31,0% та 27,9%, відповідно [2, с. 37; 4, с. 39], а у 2007, 2009–2010 роках – аналогічні із показниками по вибірці в цілому: 26,5%, 27,5% і 31,7%, відповідно [1, с. 10; 3, с. 31; 7, с. 32], проте в 2011 році – вищий по Україні (46,6%) [8, с. 19]. Якщо в перші роки «помаранчевих» це, вочевидь, пояснюється вірою в них, то у 2011, мабуть, історичними традиціями самоврядування. Центральний регіон демонструє нижчі показники довіри до місцевої влади у 2005–2006 роках – 10,4% та 18,1% [2, с. 37; 4, с. 39], далі (2007, 2009 роки) – в межах загальноукраїнських – 25,5% та 29,0% [3, с. 31; 7, с. 32], а згодом – більшу зневіру, ніж в інших регіонах країни, – 26,7% у 2010 році [1, с. 10] та 28,6% у 2011 році [8, с. 19]. Тобто Центр в цілому доволі скептично ставиться до влади на місцях. Показники довіри Півдня у 2005–2006 роках

тотожні із загальноукраїнськими – 18,8% і 22,4% [2, с. 37; 4, с. 39], далі (2007, 2009 роки) – нижчі (19,8% і 21,1%) [3, с. 31; 7, с. 32], у 2010 році – вищий (41,9%) [1, с. 10] та у 2011 році – тотожний із середньовибірковим – 35,7% [8, с. 19]. Можливо, йдеться у контексті нижчих показників, про загальну недовіру до «помаранчевих», а далі – довіру до «свого» Президента і як наслідок, до місцевої влади теж. У 2005 році Схід довіряє місцевій владі, як по вибірці в цілому – 20,9% [2, с. 37], у 2006–2007 роках – навіть більше – 27,3% та 28,9% [3, с. 31; 4, с. 39], а ось у 2009–2011 роках – як і по Україні в цілому: 29,9%, 29,3% та 37,3% [1, с. 10; 7, с. 32; 8, с. 19]. Ймовірно, вищі показники довіри до місцевої влади у часи «помаранчевих» пояснюються якраз невірою в них.

Таким чином, українці в цілому не схильні довіряти місцевій владі, хоча в останні п'ять років довіряють більше, аніж центральній. Проте якщо і довіряють органам влади на місцях, то частково. Такою ж «частковою» є здебільшого і природа недовіри до них. Однак, попри історичні традиції місцевого самоврядування та значення центру в українських регіонах, довіра до місцевої влади має політичне «забарвлення»: більше довіряють на початку роботи «помаранчевих» владі в цілому на Заході, а не на Півдні і Сході, що позначилось на відповідних регіональних показниках довіри до місцевої влади.

Список використаних джерел:

1. Актуальні проблеми українського суспільства на старті нового політичного сезону: інформаційний бюлетень. Вересень '2010 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2010. – 58 с.
2. Моніторинг суспільно-політичної ситуації в Україні: інформаційний бюлетень. Червень '2005 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2005. – 72 с.
3. Політична криза – 2007 у вимірах суспільної свідомості: інформаційний бюлетень. Травень '2007 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2007. – 48 с.
4. Початок нового політичного року: оцінки громадян та їхні електоральні наміри: інформаційний бюлетень. Січень '2006 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2006. – 62 с.
5. Про місцеве самоврядування в Україні. Закон України від 21 травня 1997 року № 280/97-ВР [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.zakon3.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80/print1350426072395092>
6. Про місцеві державні адміністрації. Закон України від 9 квітня 1999 року № 586-XIV [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.zakon4.rada.gov.ua/laws/show/586-14/print1360017074812775>

7. Україна передвиборна: рейтинги кандидатів у президенти, рівень довіри громадян до органів державної влади та інших суспільних інститутів, соціальні настрої: інформаційний бюлетень. Грудень '2009 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2009. – 50 с.
8. Українська держава на рубежі третього десятиріччя незалежності: думки та оцінки громадян: інформаційний бюлетень. Вересень '2011 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2011. – 60 с.

К. політ. н. Ярошко О. З.

Інститут соціальної та політичної психології НАПН України, м. Київ

ОЧІЛЬНИЦЯ СИСТЕМИ ВИБОРЧИХ КОМІСІЙ У ФОКУСІ ДОВІРИ УКРАЇНЦІВ

Вибори і референдум є необхідною передумовою демократії, оскільки саме через пряме волевиявлення дорослого населення реалізується принцип безпосереднього народовладдя. В Україні Центральна виборча комісія є єдиним колегіальним органом державної влади, що очолює систему виборчих комісій і наділений контрольними і консультативно-методичними повноваженнями щодо організації підготовки і проведення виборів Президента України, народних депутатів України, депутатів Верховної Ради АРК, депутатів місцевих рад та сільських, селищних, міських голів, всеукраїнського і місцевих референдумів [3]. Тому ставлення громадян до цієї владної інституції слугує одним із індикаторів оцінки ними виборчої системи зокрема і ступеня політичного розвитку в цілому.

Мета цього дослідження – визначення особливостей феномену довіри громадян України до Центральної виборчої комісії.

Для цих цілей «довіра» розглядається у трьох площинах: балансового показника довіри – недовіри, його динаміки; часткової / цілковитої довіри та недовіри; регіональної специфіки рейтингів довіри до цієї інституції.

Задля досягнення поставленої мети застосовуємо результати моніторингових досліджень явища довіри населення до органів державної влади, інших

суспільних інституцій, проведених Інститутом соціальної та політичної психології НАПН України за 2007–2011 роки, зокрема дані всеукраїнських репрезентативних опитувань дорослого населення, здійсненні методом інтерв'ювання 21–25 травня 2007 року (вибіркова сукупність – 2000 респондентів, похибка вибірки) [2, с. 4], 18–24 грудня 2009 року (вибіркова сукупність – 1997 респондентів) [4, с. 4], 26–31 серпня 2010 року (вибіркова сукупність – 2003 респондентів) [1, с. 4] та 27–31 серпня 2011 року (вибіркова сукупність – 2000 респондентів) [5, с. 4]. В усіх цих опитуваннях похибка вибірки становить $\pm 2,2\%$ [1, с. 4; 2, с. 4; 4, с. 4; 5, с. 4].

Весь досліджуваний період українці не довіряють очільниці системи виборчих комісій України, тобто спостерігається переважання показника недовіри над довірою, а отже, й негативний балансовий показник довіри – недовіри населення до цієї владної інституції. Так, у вересні 2007 року (за кілька днів до позачергових парламентських виборів) він становив $-21,7$, як в грудні 2009 року (менш як за місяць до президентських виборів) $-21,0$ [5, с. 17]. А ось в період між цими двома виборами (у листопаді 2008 року) він був ледь не вдвічі гіршим $-37,9$ [5, с. 17]. Вочевидь, українці були розчаровані перманентними виборами (чергові у 2006 році та позачергові у 2007 році), коаліціадою та невдачами «помаранчевих», а ось напередодні виборів Президента зросла надія на краще та довіра до інституту виборів і Центральної виборчої комісії. У серпні 2010 року довіра українців до Центральної виборчої комісії істотно зросла і балансовий показник до жовтневих місцевих виборів становив $-5,6$, проте через рік знову погіршився і сягнув $-9,8$ [5, с. 17]. Отже, в цілому напередодні виборів показники довіри дещо покращуються, а після них – народне розчарування і погіршення ставлення до ЦВК.

Як показуються результати вище зазначених репрезентативних опитувань дорослого населення згаданого Інституту, українці довіряють (ті, які схильні це робити) ЦВК з обережністю: показник часткової довіри («скоріше довіряю») переважає аналогічній цілковитій («цілком довіряю»): у 2007 році перевага часткової довіри над цілковитою $17,7\%$ проти $2,9\%$ [2, с. 28], у 2009 році – $24,8\%$

проти 3,6% [4, с. 28], у 2010 році – 29,1% проти 6,7% [1, с. 6] та у 2011 році – 28,4% проти 5,3% [5, с. 15]. Проте і недовіра до цієї владної інституції теж не така категорична: або з перевагою часткової недовіри («скоріше не довіряю») у 2007 році (32,1% проти 25,5%) [2, с. 28] та у 2010 році (22,3% проти 19,1%) [1, с. 6], або ж тотожно із показником цілковитої недовіри («зовсім не довіряю») у 2009 році (часткова – 24,4%, цілковита – 25,0%) [4, с. 28] та у 2011 році (часткова – 20,9%, цілковита – 22,6%) [5, с. 15].

Для оцінки регіональної специфіки довіри громадян до ЦВК, спершу наведемо всеукраїнські рейтинги довіри до цього виборчо-владного інституту: у 2007 році – 20,6% [2, с. 29], 2009 році – 28,4% [4, с. 29], 2010 році – 35,8% [1, с. 7] і 2011 році – 33,7% [5, с. 16]. На початку зазначеного періоду мешканці Заходу більше довіряли ЦВК, вочевидь, з вірою у налагодження стосунків у таборі «помаранчевих», у зв'язку з наближенням позачергових виборів народних депутатів у 2007 році, а далі – розчарування не лише в електорально-політичній системі, а й у ЦВК і як наслідок – найнижчі рейтинги довіри. Довіра Заходу до ЦВК у 2007 році – 23,6% [2, с. 31], у 2009 році – 24,1% [4, с. 32], у 2010 році – 28,8% [1, с. 10] та у 2011 році – 29,2% [5, с. 19]. У 2007 та 2009 роках Центр демонструє аналогічні із загальноукраїнськими показники довіри: 21,8% [2, с. 31] та 26,7% [4, с. 32], відповідно, однак, у 2010–2011 роках, як і Захід, – нижчі: 29,4% [1, с. 10] та 27,4% [5, с. 19], відповідно. Південь спочатку менше довіряв ЦВК – 15,7% (2007) [2, с. 31], а далі – вирівнювання до середньовибіркових – 27,5% (2009) [4, с. 32], згодом – найвищий індикатор – 48,3% (2010) [1, с. 10] і знову – спад до середньовибіркового – 30,8% (2011) [5, с. 19]. У 2007 році мешканці Сходу довіряли ЦВК на рівні середньовибіркових показників – 19,3% [2, с. 31], а далі – висхідний тренд і найвищий рейтинг довіри: 33,0% (2009) [4, с. 32], 40,7% (2010) [1, с. 10] і 43,9% (2011) [5, с. 19]. Звідси, регіональна довіра до ЦВК перебуває в залежності від довіри до виборчої системи зокрема і політичної загалом: при управлінні «своїх» та їх перемоги – вищі або середньовибіркові показники, а «чужих» – відповідно нижчі.

Таким чином, українці більше схильні не довіряти, аніж довіряти, очільниці системи виборчих комісій України, як і виборчій та політичній системам.

Проте довіра в термінах відповідних статистичних показників напередодні виборів зростає, попри загальну недовіру, вочевидь, з надією на краще (а може щось зміниться), а ось після виборів погіршується, як наслідок розчарувань. Довіряють українці, якщо це має місце з обережністю: довіряю, але чекаю реальних кроків (справедливих виборів), а ось не довіряють по-різному: чи то однаково з певним скепсисом (а може не все так погано, як я думаю) – часткова недовіра, чи то повною мірою (не довіряю, і все). У регіональному вимірі на недовіру до ЦВК накладаються особливості політичної довіри до «своїх» і «чужих»: з надією на перемогу «своїх» та їх перебування при владі – зростає довіра до виборів та органу, що ними опікується, а «чужих» – навпаки, зменшується.

Список використаних джерел:

1. Актуальні проблеми українського суспільства на старті нового політичного сезону: інформаційний бюлетень. Вересень '2010 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2010. – 58 с.
2. Політична криза – 2007 у вимірах суспільної свідомості: інформаційний бюлетень. Травень '2007 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2007. – 48 с.
3. Про Центральну виборчу комісію: закон України від 30 червня 2004 року № 1932-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1932-15/print1359460551787485>
4. Україна передвиборна: рейтинги кандидатів у президенти, рівень довіри громадян до органів державної влади та інших суспільних інститутів, соціальні настрої: інформаційний бюлетень. Грудень '2009 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2009. – 50 с.
5. Українська держава на рубежі третього десятиріччя незалежності: думки та оцінки громадян: інформаційний бюлетень. Вересень '2011 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2011. – 60 с.

К. політ. н. Ярошко О. З.

Інститут соціальної та політичної психології НАПН України, м. Київ

РАДА НАЦІОНАЛЬНОЇ БЕЗПЕКИ І ОБОРОНИ УКРАЇНИ

ПІД ПРИЦІЛОМ НАРОДНОЇ ДОВІРИ

Довіра населення до тієї чи іншої владної інституції, за звичай, слугує мірилом її ефективності та підтримки дій. Згідно з чинним законодавством, Рада національної безпеки і оборони України (далі – РНБОУ) є консультативно-дорадчим

органом при Президентові з питань національної безпеки і оборони, вона підпорядковується йому, а її рішення вводяться в дію його указами [2; 4].

Мета нашого дослідження – визначення особливостей феномену народної довіри до РНБОУ.

Для досягнення цієї мети ставляться такі дослідницькі завдання: визначення рівня довіри до РНБОУ в термінах інтегрального показника балансу довіри – недовіри, часткової («скоріше довіряю») і цілковитої («цілком довіряю») довіри, часткової («скоріше не довіряю») і цілковитої («зовсім не довіряю») недовіри, а також її регіональної специфіки.

Задля досягнення поставленої мети і завдань застосовуватимемо дані моніторингових досліджень явища довіри Інституту соціальної та політичної психології НАПН України за період 2007–2011 років: 21–27 травня 2007 року, де репрезентативна вибірка становить 2000 осіб [3, с. 4], 18–24 грудня 2009 року, де опитано 1997 осіб [5, с. 4], 26–31 серпня 2010 року з вибіркою 2003 респондентів [1, с. 4], 27–31 серпня 2011 року, де інтерв'юванню підлягали 2000 осіб [6, с. 4]; в усіх цих опитуваннях похибка вибірки становить 2,2% [1, с. 4; 3, с. 4; 5, с. 4; 6, с. 4].

Як показують результати зазначених всеукраїнських репрезентативних опитувань, українцям важко визначитись щодо довіри до РНБОУ, показник ухилення від відповідей перевищує гранично допустиму позначку 15–20%: у 2007 році – 29,8% [3, с. 29], у 2009 році – 26,6% [5, с. 28], у 2010 році – 34,4% [1, с. 6] та у 2011 році – 33,6% [6, с. 15]. За результатами досліджень, чим менша визначеність щодо довіри до цієї владної інституції, тим вищий рівень довіри до неї. У період 2007, 2009–2011 років інтегральний показник довіри – недовіри має тенденцію до покращення і в останній рік РНБОУ балансує на грані довіри і недовіри: –19,2 (2007), –15,4 (2009), –4,8 (2010) та +0,7 (2011) [1, с. 7; 3, с. 29; 5, с. 29; 6, с. 17]. Попри загальне керівництво, з огляду на його склад, цей державний орган не сприймається як пропрезидентський, тобто не спостерігається тісної кореляції між його балансовими показниками

і аналогічними індикаторами довіри Президента у зазначений період: –21,7, –62,0, –19,3 та –25,0 [1, с. 7; 3, с. 29; 5, с. 29; 6, с. 17].

У випадку довіри громадян до РНБОУ, довірливе ставлення має поміркований характер або ж спостерігається перевага часткової довіри над цілковитою: у 2007 році – 21,6% проти 3,9% [3, с. 28], у 2009 році – 25,2% проти 3,8% [5, с. 28], у 2010 році – 23,6% проти 6,8% [1, с. 6] та у 2011 році – 26,2% проти 7,3% [6, с. 15]. Проте у випадку недовіри до РНБОУ, її часткова і цілковита складові майже статистично тотожні: у 2007 році показники цілковитої і часткової недовіри становили 21,0% і 23,7% [3, с. 28], у 2009 році – 24,2% і 20,2% [5, с. 28], у 2010 році – 17,7% і 17,5% [1, с. 6] та у 2011 році – 17,4% і 15,4% [6, с. 15].

Зрозуміло, що з огляду на зростання балансового показника довіри – недовіри, покращується рейтинг довіри РНБОУ у зазначений період в цілому по вибірці (або ж по Україні): 25,5%, 29,0%, 30,4% і 33,5% [1, с. 7; 3, с. 29; 5, с. 29; 6, с. 16]. Проте на Заході їй довіряють менше – 21,6%, 24,2%, 21,5%, а у 2011 році – статистично тотожно (31,7%) [1, с. 10; 3, с. 29; 5, с. 32; 6, с. 19]. На Сході, навпаки, більше: 29,3%, 30,2% (тотожно із всеукраїнським індикатором довіри), 34,5% і 44,5% [1, с. 10; 3, с. 29; 5, с. 32; 6, с. 19]. Довіра мешканців Півдня до РНБОУ невизначеного характеру: то більше, то менше (в порівнянні із загальноукраїнськими показниками) – 28,6% (2007), 26,2% (2009), 33,3% (2010) і 30,8% (2011) [1, с. 10; 3, с. 29; 5, с. 32; 6, с. 19]. У компаративному вимірі довіра жителів Центру з 2009 року має тенденцію до спаду: 31,8% (2009), 30,3% (2010) і 24,9% (2011) [1, с. 10; 3, с. 29; 5, с. 32; 6, с. 19].

Таким чином, стаючи менш розпіреною в суспільстві і не привертаючи уваги до своєї роботи, РНБОУ покращує свій балансовий показник довіри – недовіри або ж їй більше довіряють, незважаючи на аналогічний президентський показник. Проте довіра до цієї інституції поміркованого характеру: часткова довіра переважає цілковиту, а недовіра – однаково цілковита і часткова. Захід менш довірливо ставиться до цього органу, а Схід, навпаки, більше їй довіряє, а ось Центр і Південь роблять це, у математичному сенсі, стрибкоподібно.

Список використаних джерел:

1. Актуальні проблеми українського суспільства на старті нового політичного сезону: інформаційний бюлетень. Вересень '2010 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2010. – 58 с.
2. Конституція України від 28 червня 1996 року № 254к/96-ВР [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/print1359142642805519>
3. Політична криза – 2007 у вимірах суспільної свідомості: інформаційний бюлетень. Травень '2007 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2007. – 48 с.
4. Про Раду національної безпеки і оборони України. Закон України від 5 березня 1998 року № 183/98-ВР [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.zakon0.rada.gov.ua/laws/show/183/98-%D0%B2%D1%80>
5. Україна передвиборна: рейтинги кандидатів у президенти, рівень довіри громадян до органів державної влади та інших суспільних інститутів, соціальні настрої: інформаційний бюлетень. Грудень '2009 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2009. – 50 с.
6. Українська держава на рубежі третього десятиріччя незалежності: думки та оцінки громадян: інформаційний бюлетень. Вересень '2011 / за ред. М. М. Слюсаревського; упоряд. Л. П. Черниш. – К., 2011. – 60 с.

ЗМІСТ

ДЕРЖАВНЕ УПРАВЛІННЯ

Управління державою в умовах світової фінансової кризи

Андрєєва І. А. Роль стратегічного управління в сучасних соціально-економічних умовах..... 3

Бритченко І. Г., Евич Ю. Ю. Лидеры зарубежного МВА на рынке украинского образования 5

Сучасні стратегії в регіональному управлінні та місцевому самоврядуванні

Бова Т. В. Концептуальні положення розробки регіональної інноваційно-інвестиційної політики 14

Имамов М. М. Метод программно-целевого планирования в стратегическом региональном управлении 17

ІСТОРІЯ. ФІЛОСОФІЯ. ПРАВО

Проблеми вітчизняного та іноземного конституціоналізму

Москаленко С. А. Конституционное закрепление принципа равноправия мужчин и женщин (на примере стран СНГ)..... 21

Новикова А. Е., Жорник А. М. Правовое регулирование института политического убежища в Российской Федерации 26

Новикова А. Е., Жорник А. М. Социально обусловленные правозащитные риски в Российском государстве 30

Правове регулювання місцевого самоврядування

Архипова С. А. Проведение творческой недели художественно-эстетического направления в системе дополнительного образования детей (из опыта работы) 35

Соціально-історичні, цивілізаційні та соціально-психологічні передумови виходу людства на новий рівень культури

<i>Гимазетдинова А. Х.</i> Формирование экологического сознания	38
<i>Котов Ж. В.</i> К вопросу о предназначении человека как родового существа.....	42

Мистецтво, культура, творчість

<i>Заневский С. В.</i> Специфика языка исторического исследования	45
<i>Янушевич И. А., Волкотруб Ю.</i> Теоретико-системный анализ в переводческой практике	50

Інші аспекти суспільних наук

<i>Саєтгалієва Ф. Ф.</i> Задачи преодоления большевизма и сталинизма в массовом сознании	54
<i>Стрекалєва Т. В., Ткачук А. Н.</i> Система социальных институтов Англии в период XI – XII вв. Нормандское влияние	57
<i>Ярошко О. З.</i> Генеральна прокуратура як предмет довіри українців	61
<i>Ярошко О. З.</i> Довіра українців до Центрального банку держави	65
<i>Ярошко О. З.</i> Місцева влада: дилема довіри – недовіри перед українцями.....	69
<i>Ярошко О. З.</i> Очільниця системи виборчих комісій у фокусі довіри українців	73
<i>Ярошко О. З.</i> Рада національної безпеки і оборони України під прицілом народної довіри	76

Наукове видання

Мови видання: українська, російська

АЛЬЯНС НАУК: ВЧЕНИЙ – ВЧЕНОМУ

Матеріали VIII Міжнародної науково-практичної конференції

28–29 березня 2013 р.

У чотирьох томах

Том 1. Теоретичні та практичні питання сьогодення

Окремі доповіді друкуються в авторській редакції

Організаційний комітет не завжди поділяє позицію авторів

За точність викладеного матеріалу відповідальність покладається на авторів

Відповідальний редактор *Біла К. О.*

Дизайн обкладинки *Єпішко Д. В.*

Технічний редактор *Капуш О. Є.*

Оригінал-макет Єпішко М. Г.

Здано до друку 29.03.13. Підписано до друку 01.04.13.

Формат 60x84¹/₁₆. Спосіб друку – різнограф.

Ум.др.арк. 4,02. Тираж 100 пр. Зам. № 0413-01.

Видавець та виготовлювач СПД Біла К. О.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єктів видавничої справи ДК № 3618 від 06.11.2009

Надруковано на поліграфічній базі видавця Білої К. О.

Поштова адреса: Україна, 49087, м. Дніпропетровськ,

п/в 87, а/с 4402

тел. +38 (067) 972-90-71

www.confcontact.com

e-mail: conf@confcontact.com

